

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРУМ 2, ЛИЧНЫЕ СТРАНИЦЫ
ЧЛЕНОВ СОЮЗА СЛАВЯНСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

OLGERDZHEMAITIS@YANDEX.RU

ЖЕМАЙТИС О.Ф.

«... Лишь только память сохраняет связь
живых с миром ушедших».
Ашер Токов.

ЕКАТЕРИНА СВЯТОСЛАВОВНА ЛЕОНОВА

В 11-ом и 12-ом номерах журнала «Военно-исторический архив» за 2006 год и в 12-ом номере журнала «Нева» за 2007 год были опубликованы мои статьи о трудной судьбе русской женщины Екатерины Леоновой. Несправедливо осуждённой в 1938 году на долгий срок заключения, отвергнутой всеми её близкими, в том числе и родной дочерью с внуками. И с честью выдержавшей все тяжёлые испытания.

Взяться за многолетние изыскания меня вынудили появившиеся в последнее время на страницах многих центральных изданий откровенные вымыслы, неточности и явная ложь, касающиеся личной жизни маршала Тимошенко С.К и его родных.

В предлагаемой читателям статье я на основании семейных преданий, старых фотографий, обнаруженных документов и бесед из близкого окружения Леоновой и маршала Тимошенко делаю очередную попытку приблизиться к разгадке тайны первой жены прославленного полководца гражданской и Великой Отечественной войн и матери его первой дочери Екатерины Семёновны. Которая в свою очередь являлась второй женой сына И.В. Сталина Василия Сталина и матерью его детей: Светланы (1947 – 90) и Василия (1949 – 72). Красивая же легенда о турчанке Нургаиль, сбежавшей за кордон в Польшу с кем-то и оставившей на руках Семёна Константиновича дочь Катю сразу же через несколько дней после её рождения в 1923 году. Перекочёвывающая вирусом из книги Португальского с группой соавторов «Маршал Семён Тимошенко» (Москва, МОФ, «Победа – 1945 год», 1994) в другие печатные издания, в том числе и в книги уважаемых мной авторов, в интервью близких родственников вождя, не нашла никакого подтверждения.

Сколько бы я ни пытался найти хоть одно единственное документальное свидетельство в пользу версии Португальского, Торчинова, Млечина, Бурдонского и других авторов в библиотеках и архивах страны мне так и не удалось это сделать. Наоборот, встречались иные утверждения, с именами других претенденток на роль первой супруги Семёна Константиновича и

матери его дочери Кати, в том числе и с подачи самого маршала, открестившегося, видимо, от своей опальной жены-зечки. Здесь я имею в виду ответ из Архивной службы Вооружённых Сил Российской Федерации, подписанный начальником этой службы полковником С. Ильенковым. В котором говорится, что «в личном деле маршала Тимошенко С.К. имеется единственная запись с упоминанием его первой жены – Тимошенко Екатерины Станиславовны (Крансденеске) и дочери Екатерины, 1923 года рождения» (№350/761 от 12 мая 2004 г).

Правда, в этом ответе ничего не сказано о родственных отношениях между Екатериной Станиславовной и Катей. Но всё же первое, что приходит на ум – речь идёт о матери и дочери.

Не обошла стороной эту тему и газета «Совершенно секретно», в которой обозреватель газеты Александр Терехов в 6-ом номере за 1996 год в статье «Грановского,3» пишет о происхождении дочери маршала Кати Тимошенко следующее:

«... Тимошенко (С.К., прим. автора) рассказывал небылицы про её мать и бабушку. Бабка была пленной турчанкой, нарожала детей от множества отцов. Дочка её, первая жена Тимошенко, слюбилась с его адъютантом и беременная сбежала с ним. Адъютанта и его возлюбленную арестовали и Катя родилась в тюрьме, росла у родственников, пока вторая жена маршала, - учительница из Белоруссии, - не разыскала и не вернула её в семью...».

Сама Екатерина Семёновна, дочь маршала, судя по ответу из Отдела внутренних дел Тверского района Центрального округа Москвы (№ вх Ж-12 от 30.09.2005 г), подписанного начальником ПВО полковником милиции Мурашовым А.М., считала именно Анастасию Михайловну Жуковскую-Тимошенко, учительницу из Белоруссии и вторую жену отца, своей матерью. Вот что сказано в документе:

«... В картотеке на выдачу паспорта на имя Тимошенко Е.С. в графе «Родители» указано: Тимошенко Семён Константинович, Анастасия Михайловна. Фамилия матери не указана».

Это утверждение подкрепляется и книгой С. Кипниса «Новодевичий мемориал» (Арт-Бизнес-Центр, Москва, 1998 г) на стр. 60.

Я бы не стал посвящать свой досуг изысканиям в области частной жизни прославленного полководца, если б другие авторы первыми не затронули эту тему. Во-вторых, речь бы шла о жизни простого офицера, пусть даже Героя Советского Союза или России. Но люди уровня маршала Тимошенко заслуживают пристального внимания историков и писателей хотя бы только для того, чтобы не рождались всякого рода небылицы из их жизни или откровенные инсинуации, ничего общего не имеющие с фактами. Поэтому недаром у всей пишущей братии существует формула их творчества: «Ты стал знаменитым – значит теперь ты наш».

Помня знаменитый афоризм вымышленного поэтом Алексеем Толстым и братьями Жемчужниковыми персонажа Козьмы Пруткова «Зри в корень» я с головой ушёл в исследование этой темы. И, чем дальше я уходил

в лес библиотечных и архивных лабиринтов, тем убедительнее укреплялся в сознании правильности выбранного мной направления исследования, находя всё больше и больше прямых и косвенных доказательств в пользу версии о Леоновой Е.С., мало что имеющей общего с турчанкой Нургаиль как первой супруги маршала Тимошенко. Или просто с женщиной так коварно и жестоко поступившей не только со своим мужем, пусть даже и нелюбимым, но и с только что родившейся дочерью Катей.

Судя по книге Португальского, это бегство случилось в ночь под Новый 1924 год. «... Поиски результатов не дали, хотя к ним подключился особый отдел. Лишь спустя месяц удалось выяснить, что Нургаиль ушла за кордон, в Польшу. Мотивы её поступка так и остались невыясненными».

Здесь сами собой напрашиваются определённые романтические аналогии по книге Никулина «Мёртвая зыбь», и очень хотелось бы знать, как она одна или с кем-то пробиралась через леса и болота, а в конечном итоге через охраняемую границу, и кто помогал ей в этом деле. Единственное, что приходит на ум при разгадке этой невероятной истории – первая жена будущего маршала сбежала для выполнения какого-то сверхсекретного задания вездесущего в то время «Треста». Созданного, как известно, по личному распоряжению Председателя ОГПУ Дзержинского, чтобы взять под контроль все белогвардейские террористические подпольные организации, как на территории Советской России, так и за рубежом.

Если это действительно так, то всех нас впереди ждут такие открытия из архивов Лубянки, которые мало не покажутся любому интересующемуся историей. Ещё бы, состоявшаяся фактически сталинская близкая родственница, тёща сына Сталина и его кума, оказалась второй Мате Хари, работавшей за рубежом на СССР. Или, наоборот, перебежчицей и врагом народа, что, впрочем, у всесильного уже в то время «дедушки внуков Нургаиль» И.В. Сталина было равнозначно, ибо почти все работавшие за рубежом разведчики были либо расстреляны, либо сгинули в лагерях ГУЛАГа по его приказам.

Итак, на основании всех своих 5-летних изысканий я предлагаю на роль первой жены маршала и матери его первой дочери Леонову Екатерину Святославовну, женщину с очень трудной судьбой и выпавшими на её долю тяжёлыми испытаниями. В пользу этой версии служат неоднократные совпадения фактов из её жизни, ряд выявленных документов, многочисленные фотографии и неосведомлённость в этом вопросе всего окружения маршала Тимошенко С.К.

Если руководствоваться словами известного журналиста Юрия Фельштинского: «История – наука безумно простая. В ней всё сходится, как в кроссворде. Не сходятся концы лишь в одном случае – если историком изначально допущена ошибка...», то весь мой отгадываемый кроссворд можно представить в виде нескольких пересекающихся друг с другом линий: горизонтали – жизненные отрезки времени маршала Тимошенко С.К. (1895 – 1970), его дочери Екатерины (1923 – 1988) и Леоновой Е.С. (1905 – 1984). В

этом случае пересечение вертикалей с горизонталями можно представить как события по времени в конкретных географических точках нахождения всех указанных выше персонажей.

Начертав сие сооружение на бумаге о всех совпадениях, получается довольно любопытная картина с пересечением трёх судеб. Итак, в начале 20-х годов (по словам моих родственников, в 1921 году) Тимошенко и Леонова (в то время по моим данным Ерофеева) живут в Ростовской области. Где будущий прославленный полководец Тимошенко С.К. под руководством Будённого гоняется со своей дивизией за недобитыми отрядами белых. А его будущая жена в это время живёт в станице Екатериновке Криворожского района Донецкого округа Области Войска Донского в семье умершего в 1908 году заведующего 9-ым военно-конским участком есаула Ерофеева.

Поэтому вполне можно допустить, что именно в 1921 году произошла первая встреча 26-летнего Семёна Константиновича с 16-летней красавицей с восточными чертами лица Екатериной, как мне поведали об этом родственники и друзья Леоновой. Очевидно, с первой же встречи они прониклись друг к другу симпатиями, переросшими в любовь. И вскоре стали мужем и женой. В то время для военнослужащих командирского звена достаточно было справки по строевой части соединения, которым в то время командовал Семён Константинович, чтобы таким образом узаконить супружеские отношения, чтобы поставить свою молодую жену на положенные в таком случае виды довольствия.

В декабре 1923 года у них рождается Екатерина.

Историки Торчинов и Леонтьук в книге «Вокруг Сталина» на странице 479 пишут, что первая жена Семёна Константиновича «была турчанка из богатого рода». Если учесть, что мать есаула Ерофеева была турчанкой по утверждению моих родственников, то здесь определённое сходство позиций налицо. Вот только в отношении «богатого рода», насколько мне известно, это далеко не так. Хотя в то время, когда познакомились Семён Константинович и Катя, любого казака, имевшего в своём хозяйстве корову или даже козу, можно было обвинить в зажиточности или «выходцем из богатого рода».

С апреля 1922 по октябрь 1923-го Семён Константинович служит в 12 км от Минска в Белоруссии в должности заместителя командира 3-го кавалерийского корпуса. Очевидно, что и жена Екатерина с ним, где она впервые повстречала своего второго супруга, в то время военкома Клинцовского уезда Гомельской губернии Леонова Дмитрия Фёдоровича, ставшего в 1925 году Военным комиссаром Белорусской ССР и заместителем Уполномоченного Наркомвоенмора СССР при правительстве Белорусской ССР. Равный служебный уровень между Тимошенко С.К. и Леоновым Д.Ф. очевиден, поэтому и это знакомство в одном географическом районе могло иметь место.

А если принять во внимание, что Екатерина Святославовна или «турчанка Нургаиль» по Португальскому «сбежала от Семёна Константиновича в ночь

под новый 1924 год». То можно допустить, что она действительно ушла к Леонову в 1924 или 1925 годах. Ибо располагаю фотографией, на которой изображён Семён Константинович в окружении Екатерины Святославовны, их годовалой дочери Кати, матери Е.С., Тарадиной, её сестёр Ефросиньи и Анны.

Фотография подписана, скорее всего, сестрой Е.С. Анной Мироновой и на обратной стороне стоит год – 1924-й.

Почему будущий маршал и Екатерина разошлись? По словам моих родственников, Семён Константинович был груб с Екатериной, часто унижал её при всех разного рода придирками и оскорблениями. Косвенным доказательством их постоянных ссор могут служить две фотографии, на первой из которых шестнадцатилетняя Екатерина Святославовна в 1921 году выглядит очень даже привлекательно и под стать своему цветущему молодому возрасту. На фотографии же 1924 года рядом со своим мужем и с годовалой дочерью видны те же милovidные черты лица, но заметно огрубевшие, со взглядом уставших от жизни глаз.

По версии же родственников со стороны маршала, в частности невестки Семёна Константиновича (вдовы его сына Константина) Натальи Ивановны Тимошенко, будущий маршал сам выгнал из дома Екатерину Святославовну, «узнав о её романе с кем-то».

Второй женой Семёна Константиновича и матерью его детей: Ольги (1927 – 2002) и Константина (1930 – 2004), - в 1926 году становится учительница из Минска Жуковская Анастасия Михайловна, 1904 года рождения, с которой он уже не расставался до конца своих дней.

Ещё о двух совпадениях в пользу моей версии за указанный выше отрезок времени. Леонова Е.С., как я уже писал, воспитывалась в семье есаула Ерофеева. Кстати, и Инна Наседкина, - дочь первой жены моего отца Жемайтиса Ф.Р., Ефросиньи, а значит племянница Екатерины Святославовны, и близкие друзья Леоновой Е.С. в Питере, Петрова Галина Константиновна и её старшая сестра Инна, все в один голос утверждают, что девичьей фамилией Леоновой была Ерофеева. И была она, как и все её сёстры, Ивановной до того времени, когда «неожиданно в их краях оказалась одна интеллигентная семья, выпросившая у Тарадиной Матрёны Архиповны её дочь Екатерину».

Тарадина, простая русская женщина (по моим данным она не являлась даже казачкой, не то что дворянкой по мужу) не состояла в официальном браке с есаулом Ерофеевым. И после его кончины оказалась в довольно бедственном положении. Как пишет её дочь Анна в протоколе допроса от 24.10.1944 г. (её привлекли к уголовной ответственности за работу в ресторане Сочторга в станице Белореченской в годы оккупации Краснодарского края немцами): «... Я являюсь уроженкой села Екатериновка Криворожского района Ростовской области. По социальному прошлому из зажиточных донских казаков. Мой отец Ерофеев Иван Алексеевич был казачьим есаулом, умер в 1908 году. После смерти отца всё движимое и недвижимое имущество было

продано с аукциона, за исключением дома, который перешёл в наследство племяннику отца Ерофееву Борису Васильевичу. В указанном доме вместе с матерью родной я проживала до 1928 года...».

Очевидно, что Тарадина вместе со своими дочерьми: Анной, Ефросиньей и Екатериной, - живут на птичьих правах у родственника. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Матрёна Архиповна, чтобы не тратиться на лишний рот в семье, отдаёт свою дочь Екатерину в руки оказавшейся у них в станице интеллигентной семьи на воспитание. «Да и образование дадут дочке». По другим данным Тарадина передала свою дочь родственникам своего гражданского мужа Ерофеева.

Так Екатерина, по моему предположению, из Ивановны превращается в Святославовну и начинает новую жизнь не где-нибудь в захолустье, а в самом Санкт-Петербурге, приобретая правила хорошего тона и знания в гимназии.

По одним слухам, её приёмный отец в гражданскую войну служил у белых в звании подполковника, по другим – генералом. И то ли оказался за границей после гражданской войны, то ли умер от тифа.

Кстати, до начала 80-х годов я со слов своей мамы тоже знал, что её отец и мой дед Василий Хрипунов, юрист по образованию, «умер от тифа в 1920-ом году». Пока в предперестроечное время не узнал правду: при Краснове он, войсковой старшина, занимал пост Атамана Усть-Медведицкого округа и в марте 1920-го был расстрелян красными в станице Шапсугской под Новороссийском. Годом раньше та же участь постигла и его отца станичного атамана Георгия Захаровича Хрипунова.

В 1917 году в Петербурге-Петрограде начинаются волнения, беспорядки, голод и новые родители отправляют Катю на родину – в сытую и спокойную ещё в то время Область Войска Донского, чтобы просто выжить в наступившее вдруг внезапно лихолетье и разруху.

Моё утверждение о том, что Анна, Ефросинья и Екатерина являлись сёстрами по отношению друг к другу, основано в первую очередь на ответе из Управления ФСБ по Ростовской области (№ 6/10-Ж-85 от 17.02.2004 г.). В котором на основании архивного уголовного дела № П-6321 (Екатерина Святославовна в 1937 году была арестована вслед за своим мужем Леоновым) указан со слов Е.С. состав семьи Тарадиной Матрёны Архиповны с перечислением трёх вышеназванных дочерей.

Сам же Леонов в 1921 году являлся уездным военкомом, в том числе Ростовской и Виленской областей так называемой Белорусско-Литовской ССР, - плод бумажного воображения большевистского руководства страны вкупе с Исполкомом Коминтерна, верхушка которого, как известно, любила «делить шкуру неубитого медведя». Поэтому указанные выше области независимой Польши и были объявлены априори чиновниками кремлёвских кабинетов неотъемлемой частью будущей советской республики. Отсюда, наверное, и легенда о турчанке, сбежавшей от Семёна Константиновича в

Польшу, хотя вряд ли дальше Белоруссии на запад Екатерина Святославовна куда-нибудь выезжала за всю свою жизнь.

Но при этом только что родившуюся Катю никто не оставлял на руках её отца. Превратившись, судя по документам, в Екатерину Дмитриевну (у меня нет данных, что Дмитрий Фёдорович Леонов её удочерил, очевидно, просто указывал в анкетах своё фактическое отцовство над ней) она ребёнком вместе с матерью и отчимом разъезжает по местам его службы. А конкретно по Читинской и Винницкой областям, пока в 1935 году они всей семьёй не оказываются в Ростове-на-Дону, куда был переведён Леонов на должность Начальника Облвноторга Азово-Черноморского края.

Родилась Катя в декабре 1923 года в Старом Петергофе, где служил её отец в должности командира 4-й кавдивизии. В Петрограде в это же самое время служил мой отец, в будущем генерал-майор, Балтушис-Жемайтис Феликс Рафаилович, в должности начальника штаба 10-й стрелковой дивизии, до этого командуя полками в дивизиях Муравьёва, Блинова и Миронова. А у Будённого отец занимал должность начальника оперативного отдела штаба 1-й Конной армии. Должность по современным меркам генеральскую и к тому же в Будённой кавалерии, откуда вышли почти все известные в стране полководцы, в том числе и Тимошенко С.К. Да и в Инспекции кавалерии после Петрограда и Петергофа они какое-то время вместе служили. Что имеет своё подтверждение в книге маршала Жукова «Воспоминания и размышления» в разделе «В инспекции кавалерии».

Поэтому вполне можно допустить, что почти равные служебные уровни в 20-х годах между ними могли перерасти в родственные. Если к тому же учесть, что именно моего отца Нарком обороны Тимошенко С.К. в 1940-ом году своим приказом назначил на должность командующего Литовской народной армией сразу после присоединения Прибалтики к СССР. Вот один из многих характерный для того времени и интересный по содержанию документ.

«Наркому Тимошенко

22 июля (1940 г. прим. авт) в 9-ом полку литовской армии (Новые Свенцяны) митинг, посвящённый решениям сейма об установлении в Литве советской власти и присоединении Литвы к СССР, был сорван.

По получении сведений о срыве митинга в полк выехали военный министр Виткаускас, командующий армией Жемайтис и наш работник тов. Быков. Наиболее активные зачинщики – 8 офицеров и 24 солдата арестованы и доставлены в Каунас. Назначены новый командир полка и несколько новых офицеров, заменён политрук. В полку был организован митинг, на котором с речью выступил военный министр Виткаускас. Полк единогласно принял резолюцию с одобрением решений сейма о присоединении Литвы к СССР.

Берия».

(ЦГАСА, Ф 33987, оп. 3, д. 1366, лл 33-34).

Именно в Петрограде Екатерина Святославовна и познакомила моего отца со своей сестрой – его первой женой Ефросиньей, от которой у них в 1926 году родился мой брат Станислав, двоюродный брат Екатерины Семёновны. Помня психологический постулат, что «женщины любят и познают мир ушами, а мужчины глазами», чтобы найти подтверждение словам своих уважаемых родственников я взялся за поиск документов. И, как показало время, выявленные по разным архивам бумаги лишь подтверждали и дополняли мою изначальную версию, основанную на словах и фотографиях в семейных альбомах.

Но вернёмся в Ростов, оказавшийся для всех главных героев моего повествования городом, круто изменившим их судьбы.

Итак, Леонов, Екатерина Святославовна и её 12-летняя дочь Катя с 1935 года начали новую, вполне обеспеченную жизнь в Ростове до рокового 1937 года. По иронии судьбы именно в 1937 году, с июля по сентябрь, в Ростове-на-Дону в должности Командующего войсками Северо-Кавказского военного округа служит Тимошенко С.К.

Скорее всего, это чисто случайное совпадение. Возможно также, что Семён Константинович вообще не садился в кресло этой высокой должности, а все два месяца войсками округа командовал какой-нибудь ВРИД. Но как объяснить тогда тот факт, что перед самым началом репрессий и ареста всей верхушки края. За один месяц до ареста Леонова Д.Ф. и за два месяца до ареста его первой жены Екатерины Святославовны, Тимошенко С.К. вдруг срочно, не дав ему вникнуть в суть дела на новой должности (случай довольно редкий в то время для военачальников такого уровня) перебрасывают на командование равнозначным Харьковским военным округом?

На ум приходит только одна причина такой внезапной рокировки – кто-то с самого верха подстраховал пользовавшегося у Сталина и Ворошилова доверием перспективного командарма, чтобы не впутывать его в дела родственников – «вредителей и врагов народа».

Тимошенко подавал большие надежды и был на хорошем счету у вождя, имевшего, очевидно, свои виды на дальнейшее его использование. А факт его «вражеских родственных связей» мог быть использован Сталиным в любое время как дополнительный аргумент для устрашения своего выдвиженца угрозой ареста. Все мы знаем, как Сталин держал в напряжении всех своих непосредственных подчинённых: Молотова, Кагановича, Микояна. Поскребышева, Калинина, Будённого и т.д., близкие родственники которых были репрессированы.

Среди нагромождения «всех этих случайностей» заслуживает внимания ещё один момент из биографии Екатерины Семёновны. После

ареста её матери в ноябре 1937 года как «члена семьи изменника родины» тогда ещё Екатерина Дмитриевна Леонова становится в одночасье «КАТЕЙ ТИМОШЕНКО, 1923 ГОДА РОЖДЕНИЯ». И едет не куда-нибудь в другой город или село, которым несть числа на карте бывшего Советского Союза, а как явствует из материалов упомянутого уже выше архивного уголовного дела, «к отцу в Харьков», в котором её настоящий отец в то время командовал Харьковским военным округом. Что подтверждается автобиографией маршала, хранящейся в РГАСПИ, в которой он упоминает Катю как свою дочь.

Довольно любопытная анкетная несуразица и в то же время совпадение с пересечением жизненных путей! И вот одна из главных причин, почему Семён Константинович и его дочь Катя напрочь вычеркнули Екатерину Святославовну из всех своих документов и биографий. Да ещё так, что факт прохождения службы Семёном Константиновичем в Петергофе с октября 1923 по июнь 1924 годов в должности командира 4-ой кавдивизии я нашёл только в Российском государственном военном архиве, в личном деле маршала.

Почему он ничего не написал в своей биографии об этом 8-месячном периоде службы, в то время, как о полуторамесячной его службе в Ростове всем известно? Можно лишь догадываться, что тем самым он хотел полностью вычеркнуть из своей жизни Екатерину Святославовну, ставшую в 37-ом году «членом семьи изменника родины», женой расстрелянного врага народа и зечкой.

Нельзя было в то время в анкетах указывать имена осуждённых родственников, да ещё и по 58-ой статье УК. Тем более будущему маршалу и будущему родственнику вождя. Это правило сохранялось вплоть до 1991 года для всех, кто хотел получить вес в обществе и довольствоваться тем минимумом, который не позволял бы испытывать ежедневно чувства голода и холода «в самой передовой социалистической стране мира».

В то время в биографиях всех кандидатов на ту или иную должность в первую очередь обращалось внимание на пролетарское происхождение и на не порочащие его честь и достоинства родственные связи.

Хотя, судя по утверждениям моих родственников, Семён Константинович до конца своих дней хранил в памяти свою первую любовь к Екатерине Святославовне и к восточным чертам её молодого лица. А такое разве можно вообще когда-нибудь забыть!

Как известно, Леонов Д.Ф. 17 июня 1938 года выездной сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР по обвинению в участии в антисоветской террористической организации и вредительстве в торговле был приговорён к расстрелу с конфискацией имущества и приговор в тот же день был приведён в исполнение.

На 5 лет лагерей была приговорена и его жена Екатерина Святославовна. Таким образом, с ноября 1937 года пути её с дочерью разошлись и, как показало время, навсегда с той лишь существенной разницей, что Екатерину

Святославовну как простую зечку повезли по этапу, а её дочь из детского дома отправили в Харьков как дочь уже довольно крупного в то время военачальника.

К сожалению, в ростовских уголовных делах Леоновых, хранящихся в УФСБ по Ростовской области нет точной даты рождения Кати Тимошенко. В результате этой, казалось бы, мелочи невозможно идентифицировать по датам рождения ростовскую Катю Тимошенко, 1923 года рождения, с московской Екатериной Семёновной, прах которой покоится вместе с останками её детей на Сталинско-Аллилуевском участке захоронения Новодевичьего кладбища Москвы, на надгробной плите которой указана дата её рождения – 21.12.1923 года (умерла 12.06.1988 года). Поэтому задача моя осложнилась, и надо было идти другим путём, чтобы как можно ближе приблизиться к этой разгадке.

С арестом мужа Екатерину Святославовну заключают под стражу как «члена семьи изменника родины» и отправляют в знаменитый Акмолинский лагерь жён изменников родины, получивший прозвище по первым буквам своего названия АЛЖИР. Через который в 30-х годах прошли многие женщины СССР и родственники знаменитых осуждённых по 58-й статье. Достаточно вспомнить:

Лию Соломянскую, бывшую жену писателя Аркадия Гайдара и мать их сына Тимура;

Рахиль Мессерер, мать знаменитой балерины Майи Плисецкой;

Марию Лисициан, советского тренера по художественной гимнастике, основоположника советской школы этого вида спорта;

Киру Андроникашвили, жену известного писателя Бориса Пильняка; и других.

После одного года заключения в АЛЖИРе, Екатерина Святославовна вместе со своей близкой подругой Гайлит работает оставшиеся 4 года в Соликамске Пермской области в Соликамскбумстрое. Вот тут настало время ввести ещё несколько персонажей в моё повествование, без которых вся моя работа над биографией Леоновой была бы не полной и не привязанной ко многим конкретным свидетелям в подтверждение моей версии.

В 1938 году вместе с Леоновыми в Ростове-на-Дону была осуждена ещё одна пара, находившаяся в дружеских отношениях с ними. Это начальник Финансового управления Азово-Черноморского края Гайлит Евгений Андреевич и его жена Гайлит Евгения Андреевна, 1907 года рождения, урождённая Кудрявцева.

Её питерское происхождение очень поможет мне в дальнейшем выйти на друзей Леоновой, хоронивших её прах в 1984 году, и заполучить весь её незамысловатый архив в виде двух писем, вырезок из газет начала 50-х годов о Василии Сталине и нескольких фотографий. Этими друзьями окажутся две племянницы Гайлит-Бутковой Е.А., Галина и Инна, встреча с которыми в 2005 году очень помогла мне в моих изысканиях.

Судьба Гайлитов, как две капли воды, окажется похожей на судьбу Леоновых – мужей по приговору суда 17 июня 1938 года расстреливают как врагов народа, жёны отправляются в АЛЖИР и затем Соликамск на 5 лет заключения. В 1956 году всех четверых реабилитируют, двоих мужчин посмертно, обе женщины кончают свои жизни в Ленинграде и будут похоронены на Шуваловском кладбище в одной могиле в виде урн с пеплом. Обе не имели детей от своих расстрелянных мужей.

Надо сказать, что фамилию Гайлит я встречал и раньше в разного рода печатных изданиях. В книге Н.С. Черушева «Коменданты Кремля в лабиринтах власти» на стр. 166 упоминается Гайлит Я.П. – командир латышского отряда в Пензе в 1919 году и, как потом выяснил, в 1937 году находившийся в должности Командующего войсками Сибирского военного округа.

Двое каких-то Гайлитов похоронены на новой территории Новодевичьего кладбища (к сожалению, я так и не нашёл их захоронение, несмотря на то, что Кипнис в своей книге указал координаты их могилы).

Брат Евгения Андреевича, Андрей Андреевич Гайлит являлся крупным специалистом, учёным и организатором всей алюминиевой промышленности СССР, занимавший к тому же в самые тяжёлые для страны 1941 – 43 годы пост Начальника Наркомцветмета. Алюминий, как известно, самым тесным образом связан с авиацией и ракетостроением, поэтому столь высокий пост, да ещё в судьбоносные годы войны первому встречному не доверили б. Андрей Андреевич являлся лауреатом Государственных премий СССР 3-ей и 2-й степеней. А если перечислять все его награды, полученные им в основном в годы сталинского правления, уйдёт много времени. А ведь известно, Иосиф Виссарионович был не очень щедр на награды, звания и премии не в пример Леониду Ильичу.

Не имея учёной степени, он являлся автором научных трудов. В общем, личность незаурядная и внёсшая большой вклад в укрепление обороноспособности страны.

Как потом выяснилось, Андрей Андреевич и его мать Елена Давидовна поддерживали дружеские соседские отношения с Екатериной Семёновной. Когда она со своими детьми жила на улице Горького в Москве в доме № 19, а в соседнем, через Пушкинскую площадь, в 17-ом доме жили Гайлиты в квартире № 69, где, кроме матери и сына, жили ещё: жена Андрея Андреевича, Морозова Татьяна Ивановна, их дочь Татьяна Андреевна и внучка Брагинская Ольга Владимировна.

Вполне возможно, что и получить квартиру Екатерине Семёновне в престижном доме на улице Горького (дом очень красив наружно) после её развода с Василием Сталиным в середине 50-х годов помог Гайлит А.А., благодаря своему высокому положению и связям.

А знакомы они были, очевидно, ещё с ростовского житья-бытья в 30-х годах, когда в гости к своему брату приезжали Андрей Андреевич со своей матерью Еленой Давидовной.

Теперь несколько слов о Евгении Андреевиче Гайлите, муже близкой подруги Екатерины Святославовны. Вот что пишет он о себе в личном листке по учёту кадров, хранящемся в Центре документации новейшей истории Ростовской области.

«Родился в 1897 году в Латвии. Отец был дорожный техник, мать сельской учительницей, а позднее медработником. Отец умер 30 лет тому назад (в 1905 году, авт). До 1917 года учился в реальном училище города Гатчины, где меня и застала Февральская революция. Вскоре я под влиянием ряда моих старших товарищей вступил в партию Левых эсеров – интернационалистов. Был выбран в Гатчинский совет, где совместно с большевиками в дни Октября боролся за захват власти.

В партии Левых эсеров я пробыл до их мятежа, когда, будучи не согласен с позицией, занятой руководством этой партии, из таковой вышел в июне 1918 года, продолжая работать в Гатчинском исполкоме, членом которого состоял.

В дни красного террора, хорошо связанный с большевиками, я, будучи беспартийным, был направлен на работу в Гатчинскую ЧК (в августе 1918 года), а в октябре 1918-го был принят в члены РКП(б).

В январе 1919 года я добровольцем ушёл в Красную Армию. Был на Петроградском фронте в 6-й стрелковой дивизии до ликвидации Юденича вместе с группой старых питерских большевиков тт Булиным, Свешниковым, Грядинским и др.

По ликвидации Юденича был переведён в 56-ю дивизию, с которой отправился на Польский фронт, где был награждён орденом «Красного Знамени».

В 1921 году, будучи на работе в Мурманском укрепрайоне, демобилизовался и остался там на работе в должности Зам. Пред. Мурман. Губисполкома.

В 1922 году переброшен в Новгород – Зав. Губфро-член През. Губ. Исполкома.

В 1924 году переброшен в Ленинград на работу в Финотдел, где работал с перерывом до августа 1934 года. Вначале Зав. Упр. Местн. финансов, а затем Зам. Заведующего.

В конце 1929 и весь 1930 годы был Упр. Лен. Коммунальным банком и по совместительству постоянным представителем Облисполкома при ВЦИКе и СНК.

Член Лен. Совета и Облисполкома последних двух созывов.

С августа 1934 года по сие время работаю Начальником Азово-Черноморского Крайфинуправления. Член президиума Крайисполкома.

За время пребывания в партии почти всегда был членом Бюро Коллектива, а также принимал активное участие в руководящей партийной работе в Кр. Армии в Мурманске и в Новгороде.

В Ленинграде состоял несколько лет постоянным докладчиком в М.Н.Райкоме, а последний год в Л.К.

Всё время вёл борьбу с оппозициями различных оттенков, в частности в дни т.н. «Ленинградской оппозиции» как у себя в коллективе, так и по

специальному заданию выезжал в Гдов (уезд Ленингр. Губ), где провёл перевыборы оппозиц. Пварт. Руководства.
Парт. Взысканий не имею.

Подпись Гайлит

19.03.1935 г».

Вот такая характеристика с сокращениями того времени, многие из которых уже не всякому поддаются расшифровке, большевика-активиста, «борца с оппозициями различных оттенков», фронтовика, орденосца, патриота, которая тем не менее не спасла этого искреннего в своих убеждениях коммуниста от расстрела как «террориста, вредителя и двурушника».

Его супруга Евгения Андреевна в 1938 году после расстрела мужа становится зечкой и вместе со своей подругой Леоновой проходит через все испытания сталинских лагерей в предвоенные и военные годы со всеми их нечеловеческими условиями жизни и каторжными, на износ, работами от зари до зари.

По словам родственников Евгении Андреевны, в Акмолинске их и других политзаключённых какое-то время содержали в полуразрушенной церкви. Причём, женщин в самом бывшем храме, а мужчин в подвале. Спать приходилось на наспех сколоченных из грубых досок нарах. Для обогрева приходилось пользоваться примитивными печными устройствами, а в качестве топлива использовать камыш, за которым приходилось периодически идти несколько километров по безлюдной степи. Однажды разыгралась пурга и группа женщин с Екатериной Святославовной, Евгенией Андреевной и с солдатиком-конвоиром чуть было не заблудилась и не замёрзла по дороге назад.

Дружба помогает им выжить. И в 1942 году они обе освобождаются из заключения, продолжая работать и жить на прежнем месте до тех пор, пока их обеих на поселении в Соликамске не посетил давнишний приятель Евгении Андреевны по Ленинграду Бутков Яков Фёдорович. Который тут же, без промедления, оформляет брак с Евгенией Андреевной и увозит её с собой в Ленинград.

Так Гайлит, урождённая Кудрявцева, становится Бутковой и получает ленинградскую прописку в квартире по адресу: улица Марата, 80, кв.3. Квартира однокомнатная, коммунальная, но тем не менее и для Леоновой в ней всегда находится угол в дни её приездов в Северную Столицу. Большой частью по пути из Латвии с чемоданами дефицитной в то время шерсти для выгодной её перепродажи у себя в Ростове. За что в 1961 году её привлекают к уголовной ответственности. Дело по каким-то причинам быстро закрывают и дают ей возможность обменять свою благоустроенную квартиру в Ростове (после реабилитации в 1956 году ей возвращают все её жилищные права) на коммунальную однокомнатную в Ленинграде. Ибо Екатерина Святославовна

с детства полюбила город на Неве. Где к тому же живут её близкие друзья, Евгения Андреевна и Яков Фёдорович. И в котором она могла часами ходить по его прямым, как при параде, улицам и площадям. Обрамлённым домами давно ушедшей эпохи с массивными балконами, пилястрами и изящными бельведерами на крышах зданий. К тому же жизнь в однокомнатной коммунальной тесноте на две семьи её несколько не пугала, ибо приходилось за годы заключения жить, перефразируя слова Высоцкого, в условиях, в которых «на 38 узничек – всего один лишь нужничек».

Наверное, радуясь в душе за свою подругу и завидуя ей, так удачно устроившей жизнь в Ленинграде, Леонова ещё в Соликамске перед переездом в Ростов пытается связаться со своей дочерью, зная при этом, что она уже замужем за Василием Сталиным. Вскоре на её адрес приходит письмо.

«Мамочка родная моя!

Только подумать сколько мы с тобой не виделись! Мне было очень тяжело читать твоё письмо. Как ты только могла написать мне подобные слова: «... а если ты меня забыла и не хочешь знать...» Это очень жестоко с твоей стороны. Имей в виду, что дочь не может забыть свою мать.

Ну ладно, не будем больше говорить об этом. Каждый человек волен думать то, что ему угодно. Надеюсь, что ты теперь, после моего письма переменишь своё мнение. Не в силах передать тебе то состояние, в котором пишу тебе это письмо. Очень, очень много лет прошло с тех пор, как мы расстались с тобой. Но несмотря на такой большой промежуток времени, я помню всё, в особенности наше расставание. Всё это мучительно тяжело вспоминать. Сейчас мне уже 20 лет, я уже взрослый человек, и всю свою жизнь я была сиротой, если это не очень громко сказано. Вначале была мать, но не было отца, теперь уже наоборот. Моя «мамаша», ты, конечно, понимаешь о ком я говорю, ничего хорошего и порядочного собой не представляет, от неё я терплю только неприятности. Ей уже 43 года, есть свои дети. Вообще, оставим её в покое, так как противно даже и вспоминать о ней. Первое твоё письмо передала мне Е.Д. Гайлит, за что я ей очень благодарна. Мамулечка, ответь мне поскорее. Теперь мы можем быть с тобой счастливы, так как вновь обрели связь друг с другом.

Кончаю письмо, так как всего не передать на бумаге.

Целую тебя, моя родная, дорогая и единственная.

П.С. Пиши мне на адрес Е.Д. Гайлит, а она передаст мне.

Целую тебя ещё раз. Твоя Катеринка».

Из письма, которое, судя по указанному возрасту Жуковской – 43 года, написано было в 1947 году (свой же возраст Екатерина Семёновна, очевидно, занизила умышленно на 4 года), видно, что родственные отношения между

матерью и дочерью до конца не разрушены. Осталась память о счастливом детстве и ласковой доброй маме, но тем не менее Екатерина Семёновна в анкетах указывает своей матерью свою «мамашу, которая ничего хорошего из себя не представляет».

В этом можно винить только время, в котором жили героини моего повествования. Когда материнские и отцовские чувства должны были уходить на второй план во имя «светлого будущего» для чего необходимо было оградить своих детей от их тяжёлого исторического наследия в стране с жёсткой диктатурой пролетариата, которая, как учил Сталин, «есть власть революционная, опирающаяся на насилие над буржуазией». То есть над такими, как Екатерина Святославовна и вся её родня. В стране выращивалась новая порода людей на основе биомассы рабочего класса и трудового крестьянства, а значит без буржуазных и помещичьих предрассудков в сознании людей и мещанского образа мыслей. Это был своего рода расизм, направленный против независимо мыслящих и творческих людей в такой жёсткой системе координат, где даже чиновники-бюрократы, поставленные на руководящие посты, чувствовали дыхание смерти в свои затылки и раболепно выполняли то, что им приказывали делать. А что не приказывалось, естественно, не делалось и загонялось внутрь до неопределённого будущего.

Опасно для жизни и здоровья было кому бы то ни было говорить и тем более писать правду о своих родственниках, далёкую от передовиц журналов и газет, на обложках которых с чарующей улыбкой красовались знатные стахановцы, механизаторы, доярки, чабаны, комбайнёры, шахтёры и т.д. Многие из которых «имели мужество» откреститься, отказаться и даже заклеить позором на многочисленных митингах и собраниях всех своих дедов, бабушек, отцов, матерей, сестёр, братьев, оказавшихся в годы репрессий «двурушниками», «вредителями», «иностранными шпионами», кулаками или просто «врагами народа». Такая была система, убившая, судя по выявленным в настоящее время документам, и её основателя Иосифа Виссарионовича Сталина. Ибо, как утверждает известный российский историк Николай Добрюха, работавший по особому разрешению с засекреченным архивом Сталина, в документе клинической лаборатории Лечебно-санитарного управления Кремля, составленной сразу же после смерти вождя, как явствует в найденном им документе, в крови Сталина был обнаружен «яд внешнего происхождения». Введённый, скорее всего, в него медсестрой путём инъекции по приказу кого-то из близкого окружения вождя после его первого инсульта 1 марта 1953 года, когда все должности в руководстве страны были уже распределены и живой Сталин Берии, Маленкову и Хрущёву был уже не нужен.

Эпиграфом бы на его могиле подошли бы хорошо слова знаменитого поэта Осипа Мандельштама, умершего от тифа в пересыльном владивостокском лагере Владперпункт 27 декабря 1938 года (реабилитирован в 1956-ом),

которого чекисты осудили за дерзкую эпиграмму «Мы живём, под собою не чуя страны»:

Тиран душой, сапожник родом
 Воздвиг себя на пьедестал
 И стал народ врагом народа,
 А он один народом стал

В Ростов Леонова вернулась из заключения в 1948 г, жила у родственников, а с 1951 г вместе с сестрой Ефросиньей и её дочерью Инной проживала уже по адресу: Ростовская обл. Аксайский район, п. Александровка, ул. Серафимовича,4.

Не получая больше ни весточки на все свои обращения к дочери, Леонова пишет письмо непосредственно её мужу Василию Сталину с просьбой помочь наладить отношения с Екатериной. Ответ не замедлил себя ждать в виде ангелоподобного военного самолёта с приглашением белозубого молодого лётчика слетать с ним в Москву на свидание с дочерью и внуками. Через несколько часов она уже сидит в просторном кабинете дачи сына вождя на Рублёвке, где впервые в жизни, возможно, видит своих внуков Светлану и Васю, а также дочь Екатерину, с которой не виделась со дня ареста, т.е. с 11 ноября 1937 года. Их беседа затянулась до утра следующего дня, и о чём говорили тогда мать и дочь мы уже никогда не узнаем. Только рано утром Леонову опять посадили в тот же самолёт и благополучно доставили в Ростов.

Впрочем, есть и другая версия. По словам Валентины Миненко, соседки Екатерины Святославовны по квартире дома Набережной реки Фонтанки, Леонова, приехав с аэродрома на дачу Василия Сталина, где в то время жила её дочь Екатерина, бесцельно прождав несколько часов свидания с ней и внуками, попросила лётчика доставить её обратно в Ростов. Что и было незамедлительно исполнено.

Об этой встрече Леоновой с дочерью я узнал от трёх независимых друг от друга источников: от дочери Ефросиньи Ивановны, Наседкиной Инны, от питерских племянниц Бутковой Е.А.: Галины Константиновны Петровой и её старшей сестры Инны, - и от Валентины Миненко, которая «подолгу в кухне по вечерам беседовала с Леоновой».

Несколько слов о втором муже первой жены моего отца Ефросиньи, которая на равных паях купила с Леоновой дом в Ростове. Бригадный комиссар Наседкин Николай Александрович на момент ареста в декабре 1937 года являлся заместителем начальника политотдела Особого корпуса железнодорожных войск РККА на Дальнем Востоке. В 1938 году по надуманным обвинениям был осуждён и расстрелян. Ефросинье удалось избежать участи своей сестры Екатерины Святославовны, благодаря мудрому совету своего супруга, который за несколько дней до

ареста отправил её и их годовалую дочь Инну на Кубань к жившей уже там их матери и бабушке Тарадиной М.А.

Сына Станислава от брака с моим отцом она ещё в годы войны отправила к нам в Москву на воспитание, где он в 1943 году поступил в военное училище и в июне 1945 года участвовал в знаменитом Параде Победы в составе офицеров и курсантов Московского Краснознамённого военно-инженерного училища, находившееся в Волоколамске Московской области.

Но как доказать, что приведённое выше письмо, переданное мне Галиной и Инной, принадлежит руке Екатерины Семёновны? Надо было искать образцы её почерка в 40-е годы. В результате мне удалось это сделать, заполучить на руки ксерокопию заявления о приёме в Московский институт иностранных языков для обучения на первом курсе, написанное рукой Екатерины Семёновны в 1942 году. Я не специалист в вопросе почерковедения, поэтому не могу утверждать об идентичности письма и заявления. Почерки, на мой взгляд, имеют что-то общее и в то же время разнятся. Но если учесть, что заявление было написано в 1942 году, а письмо в 1947-ом, то можно пока только предположить, что и то и другое было написано одной рукой с поправкой на изменчивость почерка за 5-летний срок.

При этом почерк в записке Кати Тимошенко в 1937 году на имя некоего Баранова о «возврате ей наручных часов, забранных при обыске» и хранящаяся в уголовном деле Леоновой в УФСБ по Ростовской области, по стилю написания имеет очевидное сходство с почерком письма 1947 года.

Важно другое. Поиски образцов почерка дочери маршала позволили мне познакомиться с людьми из близкого окружения Тимошенко С.К. Это в первую очередь его внук Капалкин Александр Сергеевич (сын Ольги Семёновны и дипломата генерал-майора авиации Капалкина Сергея Васильевича) и вдова сына маршала Константина, Наталья Ивановна Тимошенко. Благодаря им мой домашний архив пополнился новыми фактами из жизни Екатерины Семёновны и её детей, и новыми фотографиями.

Не получив взаимности от дочери, Леонова ищет поддержку у своего бывшего первого мужа, уже известного в стране полководца, маршала.

В книге Лины Павловны Тарховой «Заложники Кремля» (М. «АСТ-ПРЕСС», 1998 г) приводится диалог автора с сыном Василия Сталина Бурдонским А.В. Вот небольшая выдержка из этой беседы, напрямую касающаяся первой жены маршала Тимошенко. Уж кто-кто, а именно Бурдонский ближе всех из ныне живущих в 40-х – 50-х годах находился к Екатерине Семёновне, своей мачехе.

«... На роскошной даче мы умирали с голода. Вылезли как-то ночью, это ещё до Германии было, маленькие дети (он и его сестра Надя, авт), где овощи лежат, набрали себе в штаны и зубами чистили свёклу, немытую грызли в темноте. Просто сцена из фильма ужасов. Это в царском доме! Няньку, которую Екатерина (Семёновна, авт) поймала на том, что та

нас подкармливала, выгнала. Прислуге запрещалось кормить нас сверх того, что позволяла Екатерина.

- Откуда такое зверство в молодой благополучной (дочь маршала), красивой женщине?

- Видимо, тоже из детства. Екатерина, та материнской ласки не знала вовсе. МАТЬ ЕЁ БЫЛА ТУРЧАНКА ИЗ БОГАТОГО РОДА, В РЕВОЛЮЦИЮ ВЫШЛА ЗАМУЖ ЗА БЕЗЗВЕСТНОГО ТОГДА ТИМОШЕНКО, БРОСИЛА НА НЕГО ЕКАТЕРИНУ И СМЫЛАСЬ С КЕМ-ТО (выделено автором). Много лет спустя, Тимошенко уже был маршалом, позвонила, чтобы чем-то помог. Тот, видимо, очень её любил, затрепетал, заволновался и сразу начал о дочери:

- Знаешь, Катя...

- Кто это?

- Наша дочь.

- Это меня не интересует...

И, может быть, эта травма у бедной Кати не заживала. А может в генах что-то передалось...».

Как видно из приведённого отрывка, Бурдонский уже немного ближе придвинулся к моей версии. Ибо не утверждает, что первая жена маршала сбежала в Польшу. Довольно проблематично было бы беглянке, жившей в Польше, после прихода в эту страну в 1945 году Советской Армии выжить в условиях всевозможных чисток и к тому же узнать номер телефона своего первого мужа маршала и скомпрометировать его своим звонком из-за границы. Но по Бурдонскому она, как и у других авторов, «турчанка, смывшаяся с кем-то и оставившая на руках мужа свою только что родившуюся дочь» и не пожелавшая ничего знать о ней в разговоре с Тимошенко С.К.

Если моя версия верна, то в этом отрывке 50% неправды, если вообще состоялся этот телефонный разговор. Хотя, кто знает... Ибо после этого разговора у Леоновой, по словам моих уважаемых родственников, появились деньги на покупку деревенского дома под Ростовом.

Я обращался письменно за помощью к Александру Васильевичу Бурдонскому на адрес его театра Российской Армии, в котором он уже много лет работает режиссёром, но не получил никакого ответа. Значит, придётся одному докапываться до правды.

Далее Бурдонский продолжает:

«... Жизнь Екатерины (Семёновны, авт) с отцом – сплошные скандалы. Я думаю, он её не любил. Когда надирался, сразу в неё чем-нибудь запускал и начинался мордобой. Екатерина была сильного характера женщина, но отца боялась. Скорее всего, чувств особых не было с

обеих сторон. Очень расчётливая, она, как и всё в своей жизни, просто просчитывала этот брак (с Василием Сталиным, авт)...

- Чем она занималась, расставшись с отцом?

- Ничем. Разве что вещички распродавала. Жила, запершись в роскошной квартире в центре Москвы, шумной компании не терпела. Её любимое занятие было сидеть с кем-нибудь на кухне за разговорами всю ночь. Я как-то пришёл к ней днём, в три часа, а ушёл в 12 следующего дня. Это был странный одинокий человек. От неё шло ощущение жестокости и холода. Это ощущение всего моего детства. Даже когда появилась Капитолина (предпоследняя жена Василия Сталина), совсем другой, разумный, нормальный человек, всё равно не было чувства, что дом – тёплый...».

Здесь можно только пожалеть Екатерину Семёновну, женщину, мало знавшую материнскую ласку, и о тяжёлом характере которой поведал мне мой сводный брат Станислав. Однажды в троллейбусе на улице Горького он увидел её, свою двоюродную сестру, с которой часто до войны летом жил у своей бабушки Тарадиной в станице Белореченской Краснодарского края (сохранилась фотография, на которой он изображён рядом с Катей и другими своими родственниками). Она узнала его, не ответила на приветствие и вскоре вышла на остановке, чтобы дожидаться следующего троллейбуса. Что это? Гордыня от сознания к принадлежности к сталинской семье или демонстрация забвения своего детства в преступном окружении врагов народа и их детей? А ведь являлись близкими родственниками. Что же касается мора голодом Екатериной пасынка и падчерицы, мне вспоминаются 50-е годы моего московского детства. Когда в интеллигентных семьях началось повальное увлечение диетой на западный образец во благо здоровому образу жизни и сохранения фигуры. Не исключено, что и Екатерина Семёновна была подвержена этому веянию времени. И совершенно искренне, наверное, считала, что, ограничивая в питании своих приёмных детей, делает это во благо их здоровью и внешности.

Но как же доказать мою версию, если я взялся уже опровергнуть утверждения самого внука И.В. Сталина, Бурдонского А.В.? В пользу моего предположения, что Екатерина Семёновна являлась дочерью Екатерины Святославовны и маршала Тимошенко служит ответ из Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ростовской области (№ 6/18-Ж-735 от 7.09.2006 г). В котором в частности говорится:

«... 18 мая 1953 года Черновым П.Ф. был допрошен в качестве свидетеля Самоглазов Анисим Миронович, 1880 года рождения, работавший в 1937 году Управляющим эксплуатационного отдела Азово-Черноморского крайисполкома, а затем Ростовского Облисполкома. Который показал, что

«когда была арестована жена Леонова, то их оставшуюся дочь, как впоследствии выяснилось, это дочь Маршала Тимошенко, я отвёз её в детский приёмник (л.д. 45).

Других упоминаний о Тимошенко С.К. в материалах дела № 11-7036 и № Б-6321 не имеется.

Начальник отдела подпись Призов».

Что в этом ответе речь идёт именно о Кате Тимошенко, свидетельствует ещё и копия записки, написанная её рукой 15 декабря 1937 года, о которой я уже упоминал. Где она называет себя Катей Тимошенко.

Может быть, две самозванки с богатой фантазией, одна 32-летняя, другая 14-летняя порознь друг от друга выдавали себя за бывшую жену и дочь уже довольно известного военачальника и при своём аресте стали чекистам гнать пургу в надежде на смягчение своей участи? Вряд ли. С сотрудниками НКВД в то время шутки были плохи. И если Катя Тимошенко в УНКВД по Ростовской области расписывалась как Тимошенко, а не Леонова, значит, в первую очередь у чиновников этого ведомства были на то все основания.

Имея на руках оригинал письма Екатерины Семёновны 1947 года написания пока что только предположительно в адрес своей мамы, т.е. Екатерины Святославовны, как я уже писал, мне нужен был образец её почерка, желательно 40-х годов, для идентификации. С этой целью я также решил идти по линии Гайлитов, живших в доме № 17 по улице Горького, угловая башенная ротонда которого в 40-х – 50-х годах была украшена фигурой балерины Лепешинской до полного разрушения этой скульптуры в 1962 году. По стечению обстоятельств в год, когда внезапно скончался супруг балерины генерал армии Антонов, как поведала об этом сама Лепешинская.

Дом сам по себе настолько знаменит, что о нём и его знаменитых жильцах можно говорить и говорить. Достаточно назвать только одного пианиста Гольденвейзера, в квартире № 119 которого организован музей пианиста. В этом же доме в квартире № 69 и жила семья Гайлит.

Теплилась надежда, что кто-то из них продолжает жить по этому адресу и поможет мне не только сохранившимися письмами, записками, надписями в книгах, фотографиями и т.д., но и воспоминаниями о Екатерине Семёновне и её детях.

В результате поисков я узнал номер телефона этой квартиры, но на другом конце провода несколько дней подряд раздавались только длинные гудки. Тогда я стал искать место захоронения Гайлита А.А., чтобы уже через контору кладбища узнать номер телефона старшего участка захоронения.

Не буду подробно останавливаться на всех своих мытарствах по инстанциям, но в конце концов я узнал, что Гайлит А.А. и его мать Елена Давидовна (по другим данным Давыдовна) похоронены на Химкинском кладбище г. Москвы.

Нашёл их участок захоронения - № 121 (рег. № 238 и № 959). И вот что я прочёл на могильном камне:

Гайлит Андрей Андреевич – 1905 - 1986
 Гайлит Елена Давыдовна – 1883 - 1967
 Гайлит Татьяна Андреевна – 1932 - 1986
 Морозова Татьяна Ивановна – 1906 – 1987

Я понял, что мне мало что светит по линии Гайлитов, ибо никого, кто, возможно, общался с Екатериной Семёновной, уже нет в живых. Оставалась ещё, правда, внучка Андрея Андреевича и дочь Татьяны Андреевны, Брагинская Ольга Владимировна, 1956 года рождения.

В конторе кладбища я узнал номер её телефона и адрес на проспекте Вернадского. Но вскоре оказалось, что по указанному адресу она уже давно не проживает и живёт где-то в посёлке «Сокол» в районе станции метро «Сокол».

Упорство моё было вознаграждено, и я по телефону связался с Брагинской О.В., которая внимательно отнеслась к моему звонку, но тут же разочаровала, сообщив, что, к сожалению, ничем мне помочь не может, ибо никогда ничего не слышала про Екатерину Семёновну – дочь маршала Тимошенко и вторую жену Василия Сталина.

Фотографии у неё есть, но на них все узнаваемые лица. Что она знает про расстрелянного как враг народа в 1938 году ростовского Гайлита Е.А.? Почти ничего. Никаких писем, записок из оставшихся ей от умерших родных у неё нет.

В общем, тупик и досада, что зря бесцельно потратил много времени. Когда-нибудь и про меня будут так же говорить мои внуки:

«Да, слышали что-то про него. С утра до вечера сидел сначала за пишущей машинкой, затем за компьютером. Но кем он был и чем занимался, мы не знаем».

Забегая вперёд, должен сказать, что когда вышли две мои статьи о Леоновой в журнале «Военно-исторический архив» (№№ 11-12 за 2006 г) и в журнале «Нева» (№ 12 за 2007 г). В которых говорится также и о родственниках Ольги Владимировны, я опять с ней связался по телефону и предложил принять от меня подарок в виде трёх журналов в надежде заинтересовать её фактами из жизни её деда и его брата и, возможно, узнать что-нибудь ценное для своего исследования. Несколько раз Ольга Владимировна соглашалась со мной встретиться на станции метро недалеко от её дома. Я приходил, ждал, опять звонил. Она извинялась, называла причины, по которым не смогла и не может со мной пока встретиться, и вскоре по мобильнику мне пришлось извиниться перед ней за свою назойливость и пожелать ей всего хорошего.

И меня вдруг осенило. Выражаясь словами Чичикова из поэмы «Мёртвые души»: «Эх, я, Аким-простота, ищу рукавицы, а обе за поясом». Ведь что мне стоит позвонить на квартиру маршала Тимошенко, где совсем недавно жила его покойная дочь Ольга Семёновна (она скончалась в 2002 году), с которой я разговаривал по телефону в 1995 году. И все почерковедческие доказательства у меня будут в руках. Ведь, насколько мне было известно, в этой квартире живёт внук маршала Александр Капалкин, и наверняка у него хоть что-нибудь осталось из открыток, писем или записок от его тёти.

Так я познакомился с Александром Сергеевичем Капалкиным, внуком знаменитого полководца, предпринимателем. И уже на следующий день я сидел в мягком удобном кресле его просторной квартиры в знаменитом на всю Москву «Маршальском доме» в переулке Сивцев Вражек Арбата. Несмотря на то, что в его домашнем архиве не оказалось ничего, что было бы написано рукой его тёти, я уходил, унося с собой несколько ценных ксерокопий документов и копий фотографий Екатерины Семёновны и её детей.

От Александра Сергеевича я узнал номер телефона вдовы сына маршала Константина, Натальи Ивановны Тимошенко, жившей тоже в «Маршальском доме», но уже в Романовском переулке.

Но на все мои звонки телефон её несколько дней молчал. Тогда через давнюю свою подругу Матюхину Наталью Александровну, дочь легендарного героя Сталинграда генерал-полковника Родимцева А.И. (наши отцы и матери в 40-х – 50-х годах дружили) я узнал номер телефона скульптора Александра Васильевича Чуйкова. Он сын тоже героя Сталинграда, маршала Чуйкова В.И. (сестра Александра Васильевича, Неля Чуйкова, какое-то время была замужем за Константином Тимошенко, от которого имеет сына Василия, внука двух маршалов). И уже от него я узнал номер телефона Натальи Ивановны Тимошенко, которая временно жила у своей сестры на Осенней улице в Крылатском.

На следующий день мы встретились, и я увидел за рулём шикарной иномарки красивую яркую брюнетку средних лет, и в салоне её машины где-то в течение получаса мы с пользой для дела обменялись информацией. У неё тоже не оказалось никаких записей от руки Екатерины Семёновны, а от своего умершего мужа слышала, что якобы первая жена маршала Тимошенко, ушла от Семёна Константиновича с кем-то, устроив вскоре свою дочь Катю в детский дом. Именно из него по настоянию второй супруги маршала, Жуковской, она и перебралась к отцу в его новую семью. Узнал также, что очень плохие отношения сложились у Екатерины Семёновны со всеми её родственниками, включая и дочь Светлану, с рождения больную девочку, которую она даже не раз выгоняла из дома, и та вынуждена была просить крова у Константина и Натальи Ивановны.

Сын Екатерины Семёновны, Василий, во время его учёбы в Тбилисском госуниверситете (поступил в сентябре 1968 года) на

филологическом факультете, без материнской опеки пристрастился к алкоголю и наркотикам. И матери посоветовали забрать его из Тбилиси, где многие грузины жаждали выпить вместе с внуком его великого грузинского деда, что Екатерина тут же и сделала. Вскоре по возвращении в Москву Василий умер. Есть версия, что он покончил собой.

В общем, чем больше я узнавал, тем загадочнее для меня становилась Екатерина Семёновна, противоречивые сведения о которой и её матери могли бы побить все рекорды.

Загадочными оказались и кончины Екатерины Семёновны и её дочери Светланы. Прележав в 1988 году больше месяца в пустой квартире № 47 дома № 19 по улице Горького (Светлана уже несколько лет не жила с матерью) Екатерину Семёновну обнаружила мёртвой её сводная сестра Ольга Семёновна. Всё ценное в квартире оказалось похищенным. А через два года пришлось опять Ольге Семёновне хоронить и свою племянницу Светлану. Которую также нашли мёртвой в двухкомнатной 488-й квартире Дома правительства на улице Серафимовича, 2, где она жила на полном гособеспечении (в 1990-ом году действовала ещё старая система льгот для жильцов этого знаменитого «Дома на набережной»). Питание, смена белья и коммунальные услуги были бесплатными, а пенсии по инвалидности (Светлана с детства страдала щитовидкой) хватало на мелкие расходы. В этом Доме правительства Светлана жила с 1982 года после серии скандалов со своей матерью, как мне поведала об этом главный хранитель Музея «Дома на набережной» Татьяна Ивановна Шмидт, обратившись к книге Тер-Егиазарян Тамары Андреевны о жильцах 25-го подъезда этого дома.

Светлане была предоставлена эта двушка сразу же после её ремонта «по рекомендации врачей, на первом этаже дома по причине болезни».

В поисках образцов почерка Екатерины Семёновны мне пришлось обращаться в различные инстанции. И мне так и не удалось узнать, где работала Екатерина Семёновна или получала пенсию. В Федеральной миграционной службе (бывшем Паспортном столе) по месту прописки Екатерины и её детей мне наотрез отказались предоставить ксерокопии анкет, заполненных её рукой, ссылаясь на статью Закона, защищающего частную жизнь граждан. Тот же самый ответ прозвучал для меня и в архиве ГорЗАГСа.

Я подумал, что возможно через учителей Светланы, где она училась, мне удастся что-либо раздобыть. А для начала, зная о том, что она последние 8 лет своей жизни жила в Доме правительства, я отправился в Музей этого дома с надеждой, что в их фондах найдётся хоть какая-нибудь расписка или записка матери Светланы. Директора Музея Ольги Романовны Трифоновой (вдовы знаменитого писателя Трифонова) на месте не оказалось, и я разговорился с главным хранителем Музея Татьяной Ивановной Шмидт, с которой уже был знаком. Ничего из имущества и тем более из бумаг Светлана после себя не оставила. Квартира, в которой она жила, находится на

первом этаже и до неё в этой квартире жила обслуга дома и самыми ближайшими соседями, живущими до сих пор этажом выше, являлась семья Тер-Егиазарянов. Я тут же вспомнил, что несколько месяцев назад разговаривал по телефону с бывшей директрисой Музея этого дома по фамилии Тер-Егиазарян (она умерла в 2008 году в весьма почтенном возрасте), которая почти ничего не знала о своей великородной соседке. Возможно, она просто не хотела быть со мной откровенной, ибо кое-какие скудные сведения о Светлане она сообщила в своей книге.

Теплилась надежда, что, возможно, сама Ольга Романовна что-нибудь знает и сможет мне помочь. Тем более после того, как она совсем недавно опубликовала книгу «Надежда» про жену И.В. Сталина Надежду Аллилуеву. Я оставил в Музее свои координаты, и вскоре Ольга Романовна мне позвонила домой и пообещала помочь. Но так больше и не позвонила.

В 122-й средней школе в Малом Палашевском переулке. Недалеко от дома № 19, где Светлана жила с матерью до 1982 года (об учёбе Василия в этой школе я узнал из Объединённого архива учреждений системы образования Москвы, а вот об учёбе Светланы в 122-й школе у них данных не оказалось) мне тоже ничем не смогли помочь. Директриса школы обещала связаться с бывшими учителями Василия, но на этом наши контакты закончились.

Где же училась Светлана? Или учёба у неё не ладилась из-за её болезни, и ей приходилось подолгу и часто лежать в Центральной клинической больнице на улице имени её деда Маршала Тимошенко?

Я и в архив этого самого элитного в стране лечебного заведения обращался. И даже разговаривал по телефону с директором архива с просьбой об образцах почерка Екатерины Семёновны. Ответ был очень лаконичным, отрезвляющим и, естественно, отрицательным, и тоже в духе Закона об охране частной жизни граждан.

Вообще, из всех персонажей моего исследования, пожалуй, самой загадочной предстаёт Светлана и вся её короткая жизнь. Даже Файвишевская в своей статье «Вася, внук Иосифа», опубликованной в газете «Аргументы и факты» (№ 51 за 1995 год) ни словом не упоминает про Светлану. Хотя довольно продолжительное время занималась репетиторством по истории с Васей в 1967 году, и пишет, что, беседуя с его матерью у них в квартире на улице Горького, «часто во время занятий мне казалось, что в соседней комнате кто-то стоит и слушает, о чём я говорю».

Уж не Светлана ли стояла и тогда почему Екатерина Семёновна не показала её Файвишевской? Ведь тогда Светлана ещё жила с матерью на улице Горького.

Вот что о Светлане говорит Бурдонский в интервью Тарховой в её книге «Заложники Кремля».

«Жизнь детей Екатерины Тимошенко укоротила дурная наследственность и в прямом и в переносном смысле. Учительница Светланы и Васи вспоминает, что оба эти ребёнка были крайне болезненными, часто

пропускали уроки. Тогда приходилось звонить им домой. Но там чаще всего никто не подходил к телефону. Светлана объясняла:

- Мать не снимает трубку, т.к. очень много звонков с угрозами от людей, вышедших из лагерей и тюрем.

Это было уже после знаменитого 20-го съезда КПСС, разоблачившего культ личности Сталина, и Светлана остро переживала его последствия. Как-то класс пошёл на экскурсию в Музей Революции, а гид, как нарочно, весь свой рассказ построил на материалах о репрессиях. Учительница с тревогой наблюдала за маленькой Светой. Казалось, девочка вот-вот упадёт в обморок...».

Значит, росла она нормальным в психическом отношении ребёнком, адекватным к окружающему её миру, вопреки молве на этот счёт. Возможно, чересчур чувствительной к сообщениям о насилии и репрессиям по вине её всемогущего деда, что для девочек школьного возраста вполне естественно. И училась она, судя по всему, в школе вместе с братом в классах с двухлетней возрастной разницей лет. Странно только, что про учёбу её брата сведения есть, а вот про неё почему-то нет.

Она умерла так же загадочно, как и её мать. Квартиру вскрыли через несколько дней после её кончины, обратив внимание, что газеты и журналы долгое время не вынимаются из почтового ящика. Поэтому слухи о последних днях 43-летней Светланы стали, как снежный ком, обрастать разного рода вымыслами. Ведь речь шла не о каком-нибудь простом смертном, а о внучке самого «отца всех народов».

Всё наследство Светланы после её кончины заключалось в казённой вешалке с инвентарным номером АХО Дома правительства, перешедшей в разряд экспонатов Музея при этом доме, да ещё одной фотографии, на которой она изображена с бусами на шее.

Вот так закончила свои дни Светлана, названная матерью в честь её тётки Светланы Аллилуевой, сбежавшей из СССР на Запад в 1967 году, последний представитель ветки Василия Сталина и его жены Тимошенко Екатерины, самого знаменитого в стране Сталинско-Аллилуевского рода. Все ростки которого после себя оставили одни только загадки и вопросы, относившиеся при их жизни к категории «особой важности», за семью печатями, и которые по прошествии нескольких десятков лет после их кончины с каждым годом всё труднее и труднее отгадывать из-за ежегодного ухода в мир иной обладателей ценной для историков информации.

Во время поездки в Санкт-Петербург и встречи с племянницами Гайлит-Бутковой мне стало известно, что Леонова в Городе на Неве проживала в разное время в двух однокомнатных коммунальных квартирах, если не считать однокомнатную на улице Марата, в которой она в гостях у Евгении Андреевны Бутковой была прописана несколько дней.

Жила же она постоянно в доме по улице Братьев Грибакиных и набережной реки Фонтанки. Вскоре мне удалось узнать точные адреса этих домов, время проживания в них Екатерины Святославовны и номера квартир.

С 1962 по 1973 годы она была прописана в 4-й квартире дома № 5 по улице Братьев Грибакиных. А с 1973 по день своей кончины в 1984 году по адресу: набережная реки Фонтанки, 68, кв. 52.

Из ответа из Управления федеральной миграционной службы по Санкт-Петербургу также стало известно, что дом № 5 по улице Братьев Грибакиных принадлежал к спецкомендатуре города, «в котором проживали граждане, осуждённые на обязательные работы». Казалось, что я в двух шагах от разгадки, если не всех, то большинства загадок Леоновой. Ведь только в нашей стране, наверное, как ни в какой другой стране мира, умеют так бережно хранить уголовные дела осуждённых за какие-либо правонарушения, чтобы в случае повторного свидания следователя с подозреваемым в совершении уголовного преступления иметь под рукой на него досье. Поэтому зная, что Леонову, по словам моих родственников, в начале 60-х годов привлекли к уголовной ответственности за спекуляцию шерстью, нетрудно будет вычислить местонахождение её очередного уголовного дела со всеми её биографическими данными (все мои попытки в Ростове найти это закрытое уголовное дело Леоновой ни к чему не привели). Поиски по линии МВД и Министерства юстиции не дали никаких результатов. А вот в ответе из Жилищного агентства Невского района Санкт-Петербурга мне сообщили два сегодняшних адреса соседей Леоновой по дому № 5 улицы Братьев Грибакиных. Откликнулась Козырева Валентина Михайловна, которая поведала в письме, что не знала никакой Леоновой, тем более первой жены маршала Тимошенко, дочь которых была замужем за Василием Сталиным, ибо жила в другой квартире. Но зато от неё я узнал адреса ещё трёх соседей, в том числе и Ивановой Лидии Владимировны, которая жила в одной квартире с Леоновой и которая в дальнейшем поделилась со мной своими воспоминаниями о Екатерине Святославовне в личной беседе.

От Козыревой я также узнал, что этот дом № 5 был построен в 1936 году специально для работников Трамвайного парка имени Володарского и имел 5 этажей с 3-мя подъездами. Первые два этажа занимало общежитие коридорного типа. На 3-ем, 4-ом и 5-ом этажах находились 2-х и 3-х комнатные коммунальные квартиры для семей руководящего состава Парка, его инженерно-технического персонала и служащих. В 1972 году всех жильцов расселили и дом передали Управлению внутренних дел города под спецкомендатуру, просуществовавшую до начала 90-х годов, когда всех заключённых перевели в другое место. И бесхозный дом, в котором поселились бомжи и гастарбайтеры, стал постепенно приходить в упадок из-за частых пожаров и хищений стройматериалов.

В августе 2006 года дом был снесён. Я понял, что Леонова к этой спецкомендатуре никакого отношения не имела.

Не сохранился и дом № 68 по набережной реки Фонтанки. Строители было хотели его реконструировать, но во время работ рухнула несущая стена и было принято решение о его сносе и строительстве на его месте современного здания.

В этой связи мне подумалось, что какой-то злой рок преследует после смерти Екатерину Святославовну, напрочь уничтожая всё, что связано с жизнью и трагической судьбой этой простой русской женщины, стойко переносившей тяжёлые удары судьбы. Какие-то вандалы на могиле Шуваловского кладбища Санкт-Петербурга, где лежат её останки в виде пепла, сорвали табличку с её фотокарточкой, именем и годами жизни. И, вообще, имя этой женщины, близкой родственницы вождя нигде не встречалось в журналах и книгах. Но память о ней сохранилась, ибо о достойных и честных людях она сама пробыёт дорогу в сердца людей.

Поэтому в доказательство своей версии в этой статье привожу два документа, которые если и не ставят все точки над «і», то хотя бы заслуживают пристального внимания тех, кто интересуется происхождением и судьбой этой достойной всяческой похвалы сильной духом женщины.

«МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ   О.Ф. ЖЕМАЙТИСУ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ИНСТИТУТ
ВОЕННОЙ ИСТОРИИ
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
г. Москва, 119330
Университетский проспект, д.14
20 сентября 2006 г. № 247/531

Уважаемый Ольгерд Феликсович!

Институт военной истории в своей работе использует информацию из официальных документов, перечень которых мы Вам сообщали в ответе № 247/395 от 6 июля 2006 г. Если Вас интересуют архивные источники, то Вам необходимо обратиться в Центральный архив Министерства обороны, расположенный по адресу: г. Подольск Московской области, ул. Кирова, 74. (Этот Архив не обладают никакой информацией о Леоновой, прим. авт). Вместе с тем выражаем Вам глубокую признательность за то, что Вы подняли в письме ряд интересных вопросов, требующих корректировки текста книги «Маршал Семён Тимошенко». К сожалению, во время работы над монографией и подготовки её к изданию авторы не располагали достоверными источниками по большинству

вопросов, которые Вы оспариваете. Если будет возможность переиздания работы, все Ваши рекомендации будут учтены.

С уважением ВРИО Начальника Института полковник И. Басик».

Ответ очень обтекаемый, ничего конкретного, но кое в чём военные историки со мной согласны. И на том спасибо.

А вот уже ответ, как говорится, не в бровь, а в глаз.

«ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АРХИВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (ЦГА СПб)

Варфоломеевская ул, д 15

Санкт-Петербург, 192171

Тел. 560-68-64

АРХИВНАЯ СПРАВКА

22.11.2006 г, № Ж-3326

О рождении Тимошенко Е.С.

Жемайтису Ольгерду Феликсовичу

В документах архивного фонда – коллекции «Акты гражданского состояния г. Ленинграда и Ленинградской губернии», в книге регистрации рождений по городу Петергофу Петроградской губернии за 1924 год в актовой записи № 4 от 7 января 1924 года значится:

ТИМОШЕНКО ЕКАТЕРИНА (отчество не указано) родилась 21 декабря 1923 года. Город Петергоф.

Отец: ТИМОШЕНКО СЕМЁН (отчество не указано) 28 лет.

Мать: ТИМОШЕНКО ЕКАТЕРИНА (отчество не указано) 19 лет.

Основание: ф. 6143, оп. 4, д. 218, л. 4

Зам директора архива подпись И.В. Румянцева.

Зав. Отделом использования документов по социально-правовым вопросам
подпись О.Г. Белокурова».

По Юрию Фельштинскому всё сходится в очередной раз по всем четырём пунктам:

- место рождения – г. Петергоф,
- имена отца и матери Екатерины Семёновны, Семён и Екатерина,
- их возрасты: соответственно 28 и 19 лет на 1923 год,
- дата рождения Екатерины Семёновны в метрике: 21 декабря 1923

года, - совпадает с датой рождения на надгробной плите захоронения Екатерины Семёновны и её детей на Сталинско-Аллилуевском участке Новодевичьего кладбища в Москве.

Вряд ли здесь речь идёт о мифической Крансденеске Екатерине Станиславовне как матери Екатерины Семёновны, упомянутой мной в начале статьи. О существовании этой женщины не нашлось никаких свидетельств. Видимо, маршал не хотел, да и не мог назвать в своём личном деле реальное имя своей первой жены – зечки. А чтобы хоть как-то свести концы с концами, - ведь Катя родилась в 1923 году, а на Анастасии Жуковской он женился в 1926 году, - указал в качестве своей первой жены некую даму с непонятным статусом в отношении его первой дочери Кати. Придумал это женское имя, как говорится «от фонаря».

Эта моя догадка подтверждается и ответом внука брата маршала, Тимошенко Дмитрием Михайловичем, проживающим в Одессе и откликнувшимся на моё письмо. Ведь где ещё, как не на родине маршала искать сведения о женщине с молдавской фамилией. Семён Константинович родился 6 (18) февраля 1895 года в селе Фурманке бывшей Бессарабской губернии, Измаильского уезда. Ныне село Фурмановка Килийского района Одесской области.

Из письма внучатого племянника маршала я понял, что их село Фурманка под Одессой, где родился и жил до призыва в армию в 1915 году его знаменитый двоюродный дед, было интернациональным. Вместе с украинцами и русскими жили в нём и молдаване. Многие молодые молдаванки заглядывались на статного и сильного в кулачных боях Семёна, возглавлявшего в то время украинскую молодёжную часть села против молдавской. И он молдаванкам отвечал взаимностью. Поэтому с подачи самого маршала и возникла эта таинственная незнакомка в его биографии, возможно, и существовавшая реально, но не имевшая никакого отношения к рождению Кати в 1923 году. Ибо все приведённые выше и ниже документы и фотографии работают в пользу версии о Екатерине Святославовне как первой жене маршала и матери его дочери Екатерины Семёновны.

Буду рад выслушать и противоположное мнение. В любом случае историческая справедливость гораздо важнее слухов и сплетен или чьих-то амбиций. К тому же любой здравомыслящий исследователь не может быть уверен в своих итоговых заключениях на все 100%.

И ещё один любопытный факт. В справке из ЦГА Санкт-Петербурга не указаны отчества ни Тимошенко С.К., ни его жены Екатерины Святославовны.

В ответе из Прокуратуры Ростовской области №13-348р-03 от 25.05.2004 года дочь Леоновой Е.С. упоминается как Тимошенко Екатерина Дмитриевна, 1923 года рождения (а не Семёновна по своему биологическому отцу), которая после ареста матери из детского приёмника «уехала к отцу в Харьков» под именем Кати Тимошенко.

Я уже писал выше, что после ареста матери она официально называла себя дочерью второй жены маршала Тимошенко, Анастасии Жуковской. Ибо нельзя было с её статусом невестки самого вождя всех времён и народов Сталина И.В. иметь мать члена семьи изменника родины вкупе с сестрой Леоновой, Анной. Приходящейся ей тёткой и приговорённой советским

судом к 10 годам заключения за «сотрудничество с немцами в годы оккупации ими Краснодарского края и умершей в тюремной больнице. Такая свободная манипуляция отчествами и именами родителей в годы революционного перелома и сталинских репрессий с вытравливанием из сознания людей всего, что хоть как-то напоминало о родстве с дореволюционным офицерством или врагами народа в то время было обычным явлением. Поэтому и объясняет отчество первой жены маршала понравившейся, очевидно, Леоновой СВЯТОСЛАВОВНОЙ, а не Ивановной, как у её родных сестёр, не открестившихся от своего биологического отца. В противном случае с началом совместной жизни в 1921 году ещё Ерофеевой Екатерины Ивановны с перспективным командиром дивизии Тимошенко. Гонявшимся со своей дивизией за недобитыми отрядами белых, отчество Ивановна могло вместе с другими фактами из её биографии привести компетентные органы к неприятным выводам по родству её мужа Семёна с есаулом Ерофеевым. Хотя и давно умершего, но в то время, по словам Бурдонского А.В., «из богатого рода». Поэтому и не упоминаемого в ростовском уголовном деле Леоновой при молчаливом, очевидно, согласии допрашивавшего следователя, что явилось для неё благом, ибо в противном случае она могла ещё стать и «дочерью извечного врага пролетариата – казачьего офицера, да ещё и дворянина», что явно бы играло не в её пользу на суде.

Поэтому есаул Ерофеев как гражданский муж её матери Матрёны не мог по правилам безопасности являться официально её отцом. Как и сестрой её сестёр: Ефросиньи и Анны. Поэтому на всякий случай лучше было не называться Ивановной. Ведь начиналась новая счастливая для всех жизнь, когда ломалось всё старое и возводилось новое светлое будущее всего человечества. Да и звучит отчество очень даже красиво и не в пример деревенской Ивановне. Хотя, как я уже писал, в том же ростовском уголовном деле, Леонова не побоялась указать своими родными сёстрами Ефросинью и Анну.

Вполне возможно, что Леонова, как и многие её сверстницы, могла бы стать даже не Святославовной, а Видленовной (великие идеи Ленина), Марленовной (Маркс и Ленин), Ревмарковной (революционный марксизм) и т.д. Такое было абсурдное по нашим современным понятиям поветрие того времени с отказом от всего старорежимного и мужицкого в сознании людей во благо новому и модному - футуристическому.

Возвращаясь к архитектурной теме своего повествования, считаю, что я не зря посетил Комитет по культурному наследию города Москвы (Пятницкая ул.,19). Где вот что мне удалось узнать про знаменитый дом № 7 по Гоголевскому, бывшему Пречистенскому бульвару (Шифр 20 162/Г.7). В котором Василий Сталин проживал со второй женой Екатериной Семёновной и третьей своей женой Капитолиной Васильевной в конце 40-х – начале 50-х годов. Ибо Екатерина Семёновна вскоре после замужества в 1945 году за

Василия Сталина в результате частых ссор с мужем предпочла жить от него отдельно, на даче Рублёвского шоссе до самого с ним развода.

Этот жилой кирпичный одноэтажный с полуподвалом и мезонином особняк на Гоголевском бульваре был построен в 1925 году, как вскоре я узнал, неким Миримановым Г.Ф. Имел жилую общую площадь 196 квадратных метров. Объём – 1196 кубических метров. Автор проекта – сам Мириманов. В 1930 году этот особняк с землёй перешёл в собственность Наркомата внутренних дел. И куда делся Мириманов, можно только догадываться - был репрессирован.

До Василия Сталина в нём жил до своего ареста и опалы начальник личной охраны И.В. Сталина генерал-лейтенант Власик.

С 1980 года особняк принадлежит Министерству обороны.

С 1994 года особняк является спецквартирой Минобороны.

Дом известен ещё и тем, что в нём будущий знаменитый советский детский писатель Сергей Владимирович Михалков получил свой первый литературный гонорар – 3 рубля за «Сказку про медведя». Вот как об этом пишет Лев Колодный в газете «Московский комсомолец» от 1.11.2007 года. «...К крёстному отцу (генералу Джунковскому, авт.) тогда ещё не высланному из Москвы, двенадцатилетний Сергей (если учесть, что Михалков 1913 года рождения, то это случилось в 1925 году, авт.) пришёл со «Сказкой про медведя». Джунковскому сочинение понравилось. Он, по словам Сергея Владимировича, «рекомендовал меня издателю детских книг Мириманову».

Почему именно ему? В бытность губернатором Джунковский возглавлял попечительство о народной трезвости. Тем же делом увлекался до революции полковник Гаврила Фомич Мириманов.

При советской власти в годы НЭПа бывший полковник основал небольшое частное издательство под названием «На помощь деревне и школе».

На Пречистенском бульваре, 7, бывший дом диакона (?) заполнили столы и печатные машины. Под крышей особняка выпускали дешёвые «книжки-малышки», «книжки-картинки», книги для крестьян, серию сочинений классиков «Библиотека школьника».

Волнуясь, - пишет Михалков, - вошёл я, двенадцатилетний мальчишка, в помещение, в котором приятно пахло типографской краской. Меня провели к самому главному. Маленький щуплый старичок с козлиной бородкой, в толстовке, принял меня уважительно, как настоящего автора. Он предложил мне сесть, мельком просмотрел рукопись и попросил оставить её на несколько дней. На прощание протянул мне три рубля. Это был первый литературный гонорар. Через неделю рукопись вернулась автору с доброжелательным и убедительным отказом.

Почему издатель дал три рубля мальчику, хотя с первого взгляда увидел её слабость? Потому что хотел порадовать крестника бывшего генерал-губернатора, которого, как все коренные москвичи, помнил и читл...»

Во-вторых, почему Михалков пришёл «в бывший дом диакона», когда по документам Комитета по культурному наследию города дом был построен в 1925 году по проекту самого Мириманова и какому-то диакону сразу после строительства вряд ли мог принадлежать? Хотя все соседние здания, очевидно, принадлежали священнослужителям снесённой через 4 года после этого посещения, в 1929 году, церкви Ржевской Божьей Матери. Ответа нет.

Однако возвращаюсь к теме моей родной и близкой Леоновой. Привожу письмо соседки Екатерины Святославовны, Ивановой Лидии Владимировны, жившей со своей матерью и отцом в одной коммунальной квартире № 4 с Екатериной Святославовной в доме № 5 по улице Братьев Грибакиных в Ленинграде. Письмо было получено мной в конце марта 2007 года.

«Добрый день, Ольгерд Феликсович!

Прежде всего хочу поблагодарить Вас за журналы. Прочла статью с большим интересом и села писать Вам письмо, но совсем другое, чем хотела сначала. Практически добавить мне почти нечего. Я только пожалела, что Вы не вышли на меня раньше. Потому что я очень хорошо знала Евгению Андреевну и Якова Фёдоровича (друзья Екатерины Святославовны, авт). Очень хорошо помню всех, кто каждый год приходил к Екатерине Святославовне на день рождения, который она отмечала в нашей комнате, а вся квартира предоставлялась в их распоряжение. В старом телефонном справочнике нашей семьи есть все фамилии, адреса и телефоны друзей Е.С., которые могли бы Вам помочь в поисках. Дело в том, что телефон был не общий, а папин служебный (он был главным инженером Трамвайно-троллейбусного управления) и соединялся с городом через коммутатор. Получилось так, что и телефонная книжка у нас с ней была общая. Если Вы захотите узнать телефоны и адреса этих людей, я непременно сообщу. Правда, это были всё люди её возраста. Самыми молодыми были племянница Евгении Андреевны – Ирина и её муж Константин. По-видимому, Галя и Инна их дочери. Они никогда не приезжали с родителями, но я слышала их имена неоднократно. Кем была Ира, я не знаю, но Костя преподавал в ЛИТМО (Институт точной механики и оптики). Я это хорошо запомнила, потому что когда собралась поступать в Военмех, он меня отговаривал и звал в свой институт, но я его не послушала. Ещё когда мы жили с Е.С., Костю разбил паралич. Что может быть Вам ещё интересно? Думаю, то, что очень многое из Вашей статьи я знала лично от Е.С. Возможно, не так хронологически верно. Знала, что она из донских казачек, что С.К. Тимошенко был её первым мужем, а их дочь – женой Василия Сталина. Что дочь с репрессированной матерью отношений не поддерживала, а двух её детей Е.С. практически не знала.

Е.С. появилась в нашей квартире в 1961 году в конце то ли лета, то ли сентября, в результате обмена с нашей соседкой, у которой были родственники в Ростове. Это был год, когда бывшим репрессированным разрешили жить в Москве и Ленинграде. Прошло очень мало времени, и наша семья настолько сблизилась с Е.С., что мы будто жили вместе. Двери наших комнат никогда не запирались. У моих папы и мамы было много братьев и сестёр. И когда все они приходили, то Е.С. очень быстро со всеми находила общий язык и всегда сидела с нами за столом. Семья у нас была очень музыкальная, почти все играли на фортепиано. Одна мамина сестра являлась профессиональной певицей, и была женой известного у нас в Питере дирижёра Доняхи Т.А. Он работал в Малом оперном театре, Театре музыкальной комедии и руководил оркестром народных инструментов им. Андреева.

Е.С. очень любила, когда все собирались, пели, музицировали и с удовольствием ходила на все спектакли и концерты, куда её приглашали. Зимой и весной она редко куда-нибудь ездила в гости, сидела дома и очень много вязала. Я ничего не знаю о том, как она была обеспечена материально со стороны государства, но к лету она навязывала огромное количество джемперов, шапочек и других вещей из самой хорошей промышленной шерсти. Качество вязки было великолепное. С чемоданами этих вещей в июне месяце мы провожали её на вокзал, откуда она уезжала в Сухуми или в Очамчир к Нателле Константиновне и Гарри Константиновичу Ахубе. Там она жила до октября-декабря месяца, каждый год по-разному. Как она рассказывала, её вещи, связанные зимой, раскупались там нарасхват. Для неё это, наверное, была хорошая материальная поддержка.

У Ахубы в Сухуми была квартира, а море далековато, а в Очамчире большой старинный дом и море через дорогу. Люди они были прекрасные! Мы с ними потом тоже познакомились, когда они по приезде в Ленинград останавливались у Е.С.

Она любила жить в Очамчире, каждый день ходила на море и заканчивала последний купальный сезон в конце ноября – начале декабря. В этом городе жил Кантария, тот самый, который водрузил флаг над Рейхстагом. Однажды он тоже приехал в Ленинград и остановился у Е.С.

Возвращалась она с юга загорелая, довольная, с чемоданом фруктов, которые мы вместе ели целую неделю, и кучей заказов по вязке.

Вязала она всегда полулёжа на диване, неизменно покрывая ноги медвежьей шкурой на подкладке. Про эту шкуру она рассказывала вот что.

Когда её пришли арестовывать, на вешалке висела доха мужа (Леонова), в которой он объезжал область зимой. Офицер пожалел Е.С., снял доху и бросил её ей на руки. Эта доха помогла ей выжить. Они с Евгенией Андреевной спали в обнимку прямо на снегу, завернувшись в эту доху.

Привезли их на место, сбросили машину досок и велели строить бараки. Все жёны офицеров высокого ранга, секретарей Обкомов и Горкомов, изнеженные и избалованные дамочки. Кто не смог быстро адаптироваться –

болели и умирали. В 90-х годах про всё это появилось много литературы, документальной и художественной. Когда Е.С. рассказывала в середине 60-х годов нам о своих злоключениях, мы с мамой приходили в ужас, граничащий с недоверием. Помогло ещё ей выжить и то, что она понравилась снабженцу хлебом. Ведь она была очень красивой, яркой женщиной. Он брал её с собой в рейсы и подкармливал. За что, конечно, приходилось расплачиваться. Из того, что потом осталось от дохи, она сделала что-то вроде мехового небольшого покрывала.

Несмотря на то, что ей пришлось пережить, она была всегда очень оптимистичным человеком с большим чувством юмора. Никогда не ныла и ни на что не жаловалась.

Мой папа коллекционировал юмор, всех нас развлекал анекдотами и разными шутками-прибаутками. Я помню, как Е.С. смеялась на грассирующее «р» залиvisto и звонко. Когда я училась в институте, она звала меня в свою комнату готовиться к экзаменам.

Много рассказывала о своей жизни, и это часто были смешные истории, которые с ней случались. Однажды она отдыхала в Астрахани со своей знакомой Софой. Когда собрались возвращаться, накупили у рыбаков браконьерской чёрной икры по целым сумкам, а на вокзал опаздывали. Так они остановили милицейскую патрульную машину, сказали милиционерам, что опаздывают на поезд в Ленинград. А те их пожалели, и мало того, что довезли до вокзала, так ещё и сумки донесли до вагона.

Я очень любила её дни рождения. Моя мама была замечательным кулинаром и помогала Е.С. готовить стол. Целую неделю пекли очень вкусные торты, мейчалы (это, по-моему, татарское лакомство из хвороста, орехов и мёда), хотя, возможно, я неправильно называю это кушанье. Мы всегда готовили очень вкусные блюда. Все гости Е.С. были её возраста и старше (кроме Иры и Кости). Собиралась компания очень весёлых интеллигентных людей, которые умели красиво веселиться. Мужчины были очень изобретательны на шутки и розыгрыши. Несмотря на разницу в возрасте, я никогда с ними не скучала. Е.С. очень нравился Яков Фёдорович Бутков и она этого не скрывала. Её приятельница Хвалько Марина Матвеевна потом стала другом нашей семьи. А с другими знакомыми мы общались по телефону.

Е.С. была красивая, может быть, излишне полная, но очень женственная женщина. У неё были прекрасные и очень густые волосы, но совсем седые. Мы с мамой периодически дома красили ей волосы «гаммой» (была такая краска) в цвет вороного крыла. Одевалась она всегда со вкусом, не шикарно, а просто имела всё самое необходимое.

Как я Вам уже говорила, в 70-ом году папе дали двухкомнатную квартиру от работы. Е.С. хотела сдать свою комнату, чтобы папа попросил 3-комнатную, чтобы жить всем вместе. Но, думая о будущем, мы понимали, что при этом варианте можем оказаться с подселением вместе с Е.С. и отказались что-либо менять.

Через год или два наш дом на Грибакиных начали расселять. Е.С. не захотела ехать в тот новый район, где всем жильцам давали квартиры. Попросила комнату в старом фонде в центре Ленинграда и вскоре её просьба была удовлетворена. До января 80-го года мы с ней периодически общались. Особенно, конечно, мама. Но мама скоростижно скончалась на следующий день после смерти своей любимой сестры. Наша жизнь с папой осложнилась всякими обстоятельствами, связанными в основном с обменами квартир и переездами. И мы Е.С. как-то потеряли из вида.

В 1984 году, по-моему, в июле месяце я приехала после выходных с дачи и застала у нас Нателлу Константиновну Ахуба, которую Евгения Андреевна вызвала на похороны Е.С. К тому времени её уже кремировали. Нателла пожила у нас с неделю. Рассказывала, что Е.С. так и ездила к ним на юг всё время. А летом 1983 года подарила мужу Нателлы, Гарри Константиновичу, старинные золотые часы с тремя крышками, т.к. очень любила их семью. Ольгерд Феликсович, посылаю Вам одну, как я и предупреждала по телефону, очень некачественную любительскую фотографию. На ней мамыны сёстры, папа, я и моя мама рядом с Е.С. (крайняя справа). К сожалению, это всё, что у меня есть. Если Вас что-то ещё заинтересует, звоните, пишите. Возможно, Вы своими вопросами натолкнёте меня на какие-то воспоминания. Извините, что долго не отвечала. Это всё связано с семейными обстоятельствами.

С уважением Лидия Владимировна».

Даты нет.

В ноябре 2005 года я посетил захоронение Екатерины Святославовны на Шуваловском кладбище Санкт-Петербурга. Где её прах лежит в могиле её друзей по сталинским лагерям и жизни в Ленинграде супружеской четы Бутковых, Якова Фёдоровича и Евгении Андреевны. Красивый вид на озеро, осенняя листва на фоне скромной стелы со следами от болтов двух табличек с её именем и фотокарточкой, сорванных какими-то недоумками, привели меня к мысли, что уж слишком жестоко обошлась с ней жизнь. Почему-то упорно стремящаяся и сегодня, через много лет после её смерти, вытравить всё, что связано с её именем. Впрочем, таких леоновых, даже с более трудными судьбами, начиная с 20-х годов, в нашей стране, десятки миллионов. С той лишь существенной разницей, что далеко не все они имели дочерей, вышедших замуж за сыновей И.В. Сталина, главного центра исторической гравитации 20-го века, и имели общих с вождём внуков. Поэтому пусть эта скромная статья хоть как-то послужит барьером на пути разрушительного течения времени. И тонкая нить памяти о ней со временем превратится в не рвущееся связующее звено между её ярким и жестоким в отношении неё советским прошлым и нашим российским не менее сложным и трудным настоящим на

благо исторической справедливости, с надеждой на будущее.

Екатерина Святославовна, верная супруга и скромная женщина, не познавшая до конца счастья материнства и гордости за внуков, всей своей яркой жизнью заслуживает уважения к своей памяти.

И последнее. Прежде чем закончить своё повествование, хочу внести в него одну ремарку, касающуюся захоронения Тимошенко Е.С. и её детей на Сталинско-Аллилуевском участке, когда воочию видишь материализацию философского изречения, что и «у могилы есть будущее». В первых числах сентября 2007 года на этом участке появилась табличка с именем Галины Яковлевны Джугашвили, 1938 года рождения, скончавшейся в августе того же года. Это дочь первого сына И.В. Сталина, Якова Джугашвили и Юлии Мельцер. Яков, как известно, погиб в плену у немцев в 1943 году, а Юлия после извещения о без вести пропавшем муже была репрессирована и в 1956 реабилитирована. Умерла в 1967 году.

И вот через год к моему удовлетворению на каменной плите рядом с именами Тимошенко Е.С. и её сына Василия появилось, наконец, и имя Светланы Сталиной (1947 – 1990). А рядом стела с именем Галины Джугашвили.

Значит, есть надежда, что и на могиле бабушки Светланы появится имя Екатерины Леоновой с фотокарточкой этой сильной духом и красивейшей женщины, оставившей после себя вместе с дочерью и внуками много интересных загадок и фактов из своей биографии.

Да упокоятся их души с миром!

30.08.2011 г.

ПОСТСКРИПТУМ

Благодаря размещённому в Интернете фильму «Трудная дочь маршала Тимошенко», в котором я наравне с родственниками маршала рассказываю о трудной судьбе ЛЕОНОВОЙ, в мае 2015 года ко мне на мой электронный адрес пришло письмо от ЛЕОНОВА СЕРГЕЯ МИХАЙЛОВИЧА, заместителя Генерального директора ЗАО «ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ», проживающего в Москве. Как оказалось, правнука ЛЕОНОВА Д.Ф. с документальными подтверждениями его родства с мужем ЕКАТЕРИНЫ СВЯТОСЛАВОВНЫ, которая приходилась его деду мачехой. И с просьбой прислать фотографии прадеда, которые за давностью лет были в его семье утеряны. Завязалась переписка и вот что мне стало известно. У ДМИТРИЯ ФЁДОРОВИЧА ЛЕОНОВА до знакомства с ЕКАТЕРИНОЙ СВЯТОСЛАВОВНОЙ была гражданская жена ЗУБОВСКАЯ ЛИДИЯ ПЕТРОВНА, от которой в 1922 году в Москве на свет появился ЛЕОНОВ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ, в будущем полковник, участник Великой Отечественной войны. Освобождал Белоруссию, Польшу, во время боёв в

Берлине был тяжело контужен, лишился глаза. В 1977 году уволился в запас. Умер в 2011 году, похоронен на Кузьминском кладбище столицы. ДМИТРИЙ ФЁДОРОВИЧ ЛЕОНОВ помогал своей московской семье материально и встречался с бывшей женой и сыном во время приездов в Москву по служебным делам вплоть до ареста в 1937 году.

У СЕРГЕЯ ДМИТРИЕВИЧА в 1951 году родился сын МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ, на сегодняшний день доктор технических наук, Заслуженный конструктор РФ, главный конструктор федерального государственного унитарного предприятия "Научно-производственное предприятие - Всероссийский научно-исследовательский институт электромеханики с заводом имени А.Г. Иосифьяна". Отец ЛЕОНОВА СЕРГЕЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Теперь о ЗУБОВСКОЙ ЛИДИИ ПЕТРОВНЕ, первой жене ЛЕОНОВА Д.Ф..

Родилась 5 марта 1899 года в Белорусском г. Быхове в семье иерея местного православного храма, имевшего 9 детей. Училась в гимназии, получила профессию медсестры. В 1922 году по приезде в Москву стала работать сначала педагогом, потом медсестрой в различных мед учреждениях Москвы. В середине 30-х годов вышла замуж за НИКОЛАЯ ЖИРОВА. По профессии он был певцом в хоре. Погиб на фронте ВОВ. От ЖИРОВА у ЗУБОВСКОЙ было двое детей – ФЕЛИКС и ОКСАНА (1937 и 1939 годов рождения соответственно). Умерла ЗУБОВСКАЯ Л.П. в ноябре 1974 года, похоронена на Кузьминском кладбище вместе с сыном.

Как говорится: «Жизнь мне ставит точку, а я ей запятую», - и я очень рад, что хоть по линии ЛЕОНОВЫХ есть боковое продолжение рода главной героини моего повествования, ЕКАТЕРИНЫ СВЯТОСЛАВОВНЫ. А значит, есть кому помянуть и помнить свою родственницу, её окружение и её необычную судьбу. Тем более что у СЕРГЕЯ МИХАЙЛОВИЧА растут и учатся в школе двое сыновей, НИКОЛАЙ И АЛЕКСАНДР (одни мужики у Леоновых!!!)

А посему, воодушевлённый новыми данными по своей теме, я обратился во все военные архивы Москвы с просьбой об информации о полковнике ЛЕОНОВЕ СЕРГЕЕ ДМИТРИЕВИЧЕ, пасынке ЕКАТЕРИНЫ СВЯТОСЛАВОВНЫ. Откликнулся только Горвоенкомат, сотрудница которого Любовь Андреевна передала мне 20 листов копий его послужного списка. Вот что пишет в автобиографии этот фронтовик, мужественный человек, проживший очень яркую и интересную жизнь.

«Я, ЛЕОНОВ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ, родился в Москве 31 августа 1922 года в семье служащей (педагога-дошкольника) ЗУБОВСКОЙ ЛИДИИ ПЕТРОВНЫ, уроженки города Быхова Могилёвской области БССР, рождения 1899 года.

Отец – ЛЕОНОВ ДМИТРИЙ ФЁДОРОВИЧ, уроженец деревни Малятичи Могилёвской области БССР, рождения 1898 года, зарегистрирован с матерью не был и с нами не жил. До 1937 года он присылал нам алименты по суду,

пока мать не вышла замуж за ЖИРОВА НИКОЛАЯ РОМАНОВИЧА, рождения 1909 года, уроженца города Бийска Алтайского края. До мобилизации в Красную Армию ЖИРОВ работал в Профсоюзном ансамбле ВЦСПС солистом-хористом. Погиб на Ленинградском фронте в 1941 году. От него у матери остались дети: сын ФЕЛИКС НИКОЛАЕВИЧ ЗУБОВСКИЙ, рождения 1937 года и дочь ОКСАНА НИКОЛАЕВНА ЖИРОВА, рождения 1939 года (оба родились в Москве). В настоящее время школьники.

В 1941 году мать с детьми эвакуировалась в г. Инсар Мордовской АССР, где работала по специальности и одновременно окончила школу медсестёр при госпитале. В 1943 году вернулась в Москву и поступила на работу в детскую консультацию №13 Октябрьского района г. Москвы медсестрой. Сейчас работает в стационаре для нервнобольных.

В семье репрессиям и суду никто не подвергся. В настоящее время мать и сестра проживают по адресу: Москва, Тихвинский пер., дом 10/12, кв. 315. В 1930 году я поступил в школу-десятилетку №203 Октябрьского района Москвы, которую окончил в 1940 году. В 1939 году вступил в ряды ВЛКСМ. С октября 1940 года Октябрьским РВК Москвы был призван в ряды Красной Армии, где служил до октября 1945 года, сначала на ДВК (?) в 81 ОАД (?) 102 УР разведчиком и радистом до декабря 1943 года, а потом на 1-ом Белорусском фронте в 8-й мотострелковой бригаде 9 ТК старшим радиотелеграфистом.

В марте 1943 года Политотделом 8 мотострелковой бригады был принят кандидатом в члены, а в марте 1945 года – в члены КПСС (№ партийного билета 01756690).

В конце 1944 года был контужен, в результате чего сначала потерял зрение правого глаза, а впоследствии и сам глаз.

Награждён орденом «Красная Звезда» и медалями: «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией», - а также 16-ю сталинскими благодарностями.

После демобилизации, в октябре 1945 года, был принят в МИСИ им. В.В. Куйбышева, который окончил в июне 1951 года с присвоением квалификации инженера-строителя (диплом № Г- 958989). После защиты диплома Учёным советом института был рекомендован в аспирантуру, но в сентябре 1951 года был призван в кадры Советской Армии с присвоением звания инженер-лейтенанта Приказом Военного Министра Союза ССР №03249 от 23 августа 1951 года и направлен для прохождения службы в ЦНИЛ-3 ГВСУ МО на должность начальника конструкторского отдела. Приказом Начальника Главного военно-строительного управления ВМ № 0257 от 23 октября 1952 года назначен начальником отдела организации строительства ЦНИЛ-3. Приказом Зам. Военного Министра СССР по строительству №0308 от 31 декабря 1952 года присвоено звание старший инженер-лейтенант.

В июне 1950 года женился на Герасимовой Галине Александровне, теперь Леоновой, рождения 1927 года, уроженке г. Минска БССР. В феврале 1951 года она закончила МИСИ им. В.В. Куйбышева и в настоящее время работает инженером-строителем института «Теплоэлектропроект». Родители жены проживают в Мордовской АССР (ст. Зубова поляна). Отец – Герасимов Александр Сергеевич, 1894 года рождения, начальник Планового отдела Райисполкома. Мать Герасимова Лидия Павловна, 1894 года рождения, домашняя хозяйка. Суду и репрессиям не подвергались.

В 1951 году у нас с женой родился сын Михаил.

Свою фамилию, имя и отчество не менял. В плену не был. Суду и репрессиям не подвергался. Партийных взысканий нет. Выполняя партийные и комсомольские поручения, был редактором стенной газеты и боевого листка, парторгом группы, председателем Студенческого научного общества факультета, агитатором. В настоящее время член партийного бюро парторганизации ЦНИЛ-3 ГВСУ МО.

Начальник НИО-4 ЦНИЛ-3 ГВСУ МО подпись Леонов

Нестыковки незначительные, в частности место рождения ДМИТРИЙ ФЁДОРОВИЧ в анкете, хранящейся в РГАСПИ, пишет – деревня БЕРЕЖИСТОЕ КРИЧЕВСКОГО РАЙОНА БЕЛОРУССКОЙ ССР, а его сын СЕРГЕЙ указывает деревню МАЛЯТИЧИ БССР.

А о расстрелянных родственниках - врагах народа нельзя было в сталинское время писать в заполняемых документах. Поэтому он и написал на третьей странице горвоенкоматовской анкеты, что «об отце ничего не знает», хотя правильно указал его год рождения и то, что он родом из Белоруссии.

В свидетельстве о рождении СЕРГЕЯ ДМИТРИЕВИЧА, копию которого я получил по электронной почте, указан его отец, именно ЛЕОНОВ ДМИТРИЙ ФЁДОРОВИЧ.

Плюс ко всему на почтовой карточке от 2.02.1938 года, полученной ЗУБОВСКОЙ из Уголовного розыска Ростова-на-Дону по поводу её запроса в отношении невыплаты алиментов с октября 1937 года ЛЕОНОВЫМ Д.Ф. ей сообщили:

«... на Ваш запрос о розыске неплательщика алиментов гражданина ЛЕОНОВА ДМИТРИЯ ФЁДОРОВИЧА сообщаем, что последний проживал в г. Ростове н/Д по ВОРОШИЛОВСКОМУ ПРОСПЕКТУ, дом № 8, кв. 40, и 26.10.1937 г. выбыл неизвестно куда».

Теперь мы знаем, что он был расстрелян.

Сходятся и адреса проживания, ибо в ответе на моё имя из Управления ФСБ по Ростовской области от 23.03.2005 года № 6/10 Ж-169 в анкете арестованного ЛЕОНОВА Д.Ф. указан адрес его проживания с женой ЕКАТЕРИНОЙ: Ростов н/Д, Ворошиловский проспект, дом 8, кв. 40. Что ставит жирную точку в идентификации - речь идёт об одном и том же человеке.

И в заключение: в ноябре месяце 2019 года СЕРГЕЙ ЛЕОНОВ во время очередной командировки в Санкт-Петербург с разрешения родственников БУТКОВЫХ договорился с рабочими Шуваловского кладбища в Санкт-Петербурге о воссоздании таблички с данными о рождении и смерти ЛЕОНОВОЙ на общей стеле захоронения с годами жизни её друзей БУТКОВЫХ. И безымянная капсула с пеплом, покоящаяся в земле Шуваловского кладбища, наконец-то обрела своё имя. Имя человека, красивой женщины с трудной судьбой и твёрдым характером, жизнь которой сложилась интереснее любого вымысла и достойна интереснейшего романа. На очереди – обновлённая табличка БУТКОВЫХ. Их жизнь также очень поучительна и интересна!

12.11.2019 г